

Федор Крашенинников
Владимир Милов

НОРМАЛЬНАЯ РОССИЯ БУДУЩЕГО: **ДА, МЫ МОЖЕМ**

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ БУДУЩЕЙ СВОБОДНОЙ РОССИИ

FREE RUSSIA FOUNDATION
2023

Содержание

Возможна ли демократизация России в принципе?	4
Как рухнет путинская система?	6
Как не повторить ошибок прошлого?	8
Как должна строиться новая российская государственность?	12
Как преодолеть тяжелое наследие путинизма и войны?	14
Какие преобразования важнее всего?	18
Практический процесс и этапы перехода к новой системе	21
Субъекты федерации и принцип их формирования	25
Самоопределение национальных меньшинств	26
Принципы этнокультурной политики новой России	27
Искоренение коррупции как явления в новом российском государстве	30
Что будет с экономикой?	31
Будущая Россия в мире	37
Роль эмиграции в будущем России	41
Наименование и символика новой свободной России	45
Заключение	48

*Нам нужны люди, которые могут мечтать
о вещах, которых никогда не было.*

Джон Кеннеди

Есть ли у российских демократических и антивоенных сил четкое видение постпутинского будущего страны? Возможно ли в России построить нормальную демократическую государственность, не допустив повторения ошибок демократического эксперимента 90-х?

Вопросы об этом постоянно задают и российские сторонники демократических перемен, и наши союзники на демократическом Западе. Неуверенность в перспективах свободной России сильно снижает мотивацию к борьбе (а на Западе – к поддержке российских демократических сил), а также дает козырь путинской пропаганде. Россиян (да и мировое сообщество) пугают хаосом после падения путинского режима, пытаются отвратить от поддержки оппозиционных сил, изображая оппозицию слабой и неспособной принять на себя руководство страной. Один из самых расхожих штампов последних лет – «у оппозиции нет конструктивной программы».

Нет нужды говорить, насколько глубоко это утверждение ошибочно. Предвыборная президентская программа Алексея Навального 2017 года сегодня, из 2023 года, смотрится особенно убедительно: если бы в 2018 году состоялись по-настоящему конкурентные президентские выборы и Навальный смог бы побороться за пост президента, у России был бы шанс не только избежать войны, но и вернуть нормальные отношения со странами-соседами и всем цивилизованным миром, получить бурный импульс к экономическому развитию. Эта программа была абсолютно реалистичной, и то, что Россия пошла по иному пути, – огромная трагедия. На самом деле усилий по формулированию образа будущего среди российской независимой общественности (не только политиков) было множество: можно вспомнить хотя бы книги Сергея Гуриева или его цикл видео на собственном YouTube-канале под названием «Что (же) делать?» о различных направлениях важных преобразований в России будущего. Такие усилия предпринимали многие политики, эксперты, публицисты – от Михаила Ходорковского до авторов этих строк.

В данной работе мы попытались суммировать наше видение основных идей построения будущей России в области политики, экономики, развития общественных отношений. Мы заранее просим не считать наши идеи эксклюзивными и не настаиваем на незыблемости всего сказанного ниже: перед вами текст, который призван скорее инициативно суммировать многие идеи, которые мы в последнее время активно обсуждали с коллегами. Несмотря на наличие большого числа конкретных идей и текстов по преобразованию России и растущий консенсус в российских независимых и демократических кругах по поводу таких основ будущей российской государственности, как парламентаризм, федерализм, независимые суды или сильное местное самоуправление, есть некий дефицит общих текстов, суммирующих все эти идеи. Мы попытались решить эту задачу. Считаем наш текст скорее приглашением к дискуссии, чем некоей «библией реформ»; тем не менее, как нам кажется, контуры будущей свободной России сформулированы здесь достаточно отчетливо.

Построить такую Россию абсолютно возможно: для этого есть и необходимый опыт, и ресурсы, и серьезный запрос со стороны населения страны. Появится и окно возможностей для этого. Мы надеемся, что сформулированные нами идеи дадут вдохновение многим людям, которые сегодня поддались пессимизму по поводу будущего нашей страны, и покажут им, что построить нормальную демократическую государственность вполне возможно, это реалистичная перспектива, и мы и другие коллеги знаем, что для этого нужно делать.

Вот основные идеи по построению будущей свободной России, как мы их видим.

Возможна ли демократизация России в принципе?

Авторы этих строк не только убеждены в этом, но и не видят никаких других вариантов развития событий. Сегодняшние дискуссии о будущем России находятся под чрезмерным давлением «груза статус-кво»: контроль Путина над обществом и политической системой представляется настолько тотальным и непоколебимым, что комментаторам крайне трудно представить какое-то иное будущее для страны, кроме бесконечного авторитаризма, где меняются лишь имена правителей (с уходом или смертью прежних), но не суть системы.

Между тем российская политико-экономическая система неустойчива и остается на плаву лишь ценой огромного напряжения ресурсов, а возможности ее не безграничны. Наилучшей иллюстрацией этого является история с объявлением второй волны обязательной мобилизации: после первой волны в сентябре 2022 года ее наперебой прогнозировали все, кто мог, и вторая волна была бы крайне необходима Путину для перелома ситуации на фронте. Однако спустя год после первой волны мобилизации вторая так и не была объявлена, невзирая на острую потребность Путина в ней. Возможно, она будет объявлена в будущем, тем не менее, прошедший год показал, насколько серьезно Путин ограничен в этом вопросе реакцией российского общественного мнения. Хотя многие эксперты повторяют, что западные санкции не так сильно ударили по российской экономике, как это ожидалось, в заявлениях и действиях российских властей на экономическом фронте очевидна нервозность и отсутствие видения будущего: никто не хочет становиться сырьевым придатком Китая, а других вариантов путинская изоляция не оставляет.

Разговоры о «генетическом рабстве» россиян, якобы готовых вечно терпеть диктатуру, также не основаны на фактах. Вся новейшая история нашей страны показывает, что при малейшем ослаблении тоталитарной узды общество сразу же начинает требовать свободы: так было и во времена хрущевской оттепели, и во времена горбачевской перестройки. Напротив, попытки насадить систему, основанную на жесткой дисциплине и подчинении, исторически проваливались – от Сталина до Андропова и ГКЧП. Провалится и путинская система. Модель, построенная на тотальном контроле, дисциплине и страхе, может продержаться какое-то время, но в долгосрочной перспективе она несовместима с российской ДНК.

Если взглянуть на опросы общественного мнения 20-летней давности, то вы не найдете там ни тени антизападных настроений или симпатий к Сталину; взгляды россиян на мир были достаточно адекватными. Невозможно всерьез воспринимать рассуждения о «природной склонности» общества к диктатуре и сильной руке, полностью игнорирующие фактор десятилетий мощной пропаганды. Безусловно, путинская пропаганда очень сильна, гибка, эффективна, апеллирует к природным трайбалистским и эгоистическим инстинктам. Для преодоления последствий длительной промывки мозгов потребуются большие усилия, тут не должно быть иллюзий. Однако важно правильно диагностировать проблему: дело вовсе не в «генетическом рабстве» россиян, а в сознательной обработке дезинформацией и пропагандой. Еще не так давно российское общество было вполне нормальным и адекватным – и это можно вернуть.

Демократические инстинкты россиян, хотя и в достаточно сыром виде, продолжали существовать все эти годы. Редкие случаи допуска реальной оппозиции на выборы и появления подлинной электоральной конкуренции вызывали огромный интерес в самых разных российских регионах, показывая, что низовой запрос на демократию силен по всей стране. Примеры реальной сменяемости власти в регионах путем выборов вызывали у россиян такой прилив энтузиазма, что, например, слово «Хабаровск» знают теперь даже довольно далекие от российских реалий люди за рубежом. Ретроgrадам и сторонникам авторитаризма и близко не удалось сформировать такое же мощное низовое движение поддержки, какое мы наблюдали в 2017-2021 годах в виде митингов Алексея Навального: потенциал поддержки идей демократических перемен гораздо выше, чем у всех имперских и консервативных движений вместе взятых. Как показывает исторический опыт России, сторонники авторитаризма обычно гораздо более политически пассивны, что объяснимо: их поддержка во многом основана на природном конформизме по отношению к начальству, а не на твердых убеждениях и внятном образе авторитарного будущего (которое в реалиях XXI века невозможно по определению, будущее – за свободой и прогрессом).

Ослабление политического режима неизбежно вызовет к жизни новые выступления самых широких кругов россиян с требованиями политической либерализации – от общенациональных протестов за возврат к демократии до региональных движений за местное сопротивление и защиту своих прав, хотя бы даже по вопросам уровня жизни или защиты окружающей среды (многие национальные движения за независимость в республиках бывшего СССР разрастались в конце 80-х из экологических протестов). Этим шансом можно и нужно будет воспользоваться с целью добиться дальнейшей демократизации страны. Россияне хотят свободы, мира и нормальности, и единственное, что препятствует мощному публичному движению в поддержку демократических перемен, – это беспрецедентно жестокие репрессии.

Как рухнет путинская система?

Здесь тоже не нужно иллюзий: хотя быстрое обрушение авторитарных режимов является довольно частым явлением, оно трудно прогнозируемо. Тешить себя такими надеждами неверно, это порождает ненужные завышенные ожидания. Тем не менее, несколько вещей являются очевидными. Во-первых, издержки продолжения агрессивной изоляционистской путинской политики и репрессий очень высоки, а выгоды от разворота политического курса не вызывают сомнений. В современном мире жестокие авторитарные режимы удерживаются у власти лишь ценой огромного напряжения и постоянно сталкиваются с испытаниями на прочность. Стимулы для путинской номенклатуры кардинально развернуть политический курс очень высоки.

Во-вторых, как подчеркивалось выше, в России силен запрос на нормальность и демократические перемены. Сегодня он подавлен максимально жестокими репрессиями (таких не было с 1950-х годов), но, как это бывало в нашей истории и раньше, с ослаблением политического режима эти настроения непременно выйдут на поверхность. Действовать нужно будет по ситуации, упорно готовить общественное мнение к необходимости демократических перемен и не пытаться хвататься за разного рода «волшебные палочки», якобы способные быстро вытащить Россию из авторитарной ямы. Усилия, скорее всего, потребуются долгие и непростые – стоит вспомнить, например, опыт Румынии после падения диктатуры Чаушеску или Южной Кореи после ухода от власти диктатора Чон Ду Хвана (как нам представляется, это одни из наиболее релевантных примеров демократического транзита для России): там после ухода от власти многолетнего авторитарного правителя некая группа представителей номенклатуры пыталась удержать власть, однако под действием возрастающего гражданского давления снизу была вынуждена пойти на подлинные демократические преобразования.

Так будет и в России. На этот момент нужно упорно работать, ослабляя силу и возможности авторитарной власти и подготавливая общественное мнение к будущим выступлениям в поддержку демократических перемен. Этим сегодня и занимается российская оппозиция. Как показывает опыт прошлого, в определенный момент эти процессы дадут свой результат – но никто точно не знает, когда, и бесполезно пытаться это угадать. А вот что действительно нужно – это иметь четкий план действий на тот момент, когда окно возможностей для преобразований действительно представится.

Российскому обществу не стоит надеяться на «доброе царя-реформатора», который сменит Путина и принесет перемены. Любая новая власть будет подвержена соблазну отделаться косметическими изменениями, сохраняя все прежние рычаги контроля над обществом – собственно, так же пытался поступать и Михаил Горбачев в 1980-е годы, и лишь широкое общественное давление снизу вынудило его пойти на более решительные перемены. Это давление нужно организовать. Основы для него были созданы общенациональной сеткой сторонников Алексея Навального в 2017-2021 годах, до ее разгрома властями, однако широкая сеть сторонников демократических перемен во всех регионах России никуда не делась. К ней могут примкнуть любые россияне, которые разделяют общие принципы построения свободной,

федералистской, демократической России, где права и достоинство человека надежно защищены законом, а государство служит лишь инструментом для достижения прогресса и улучшения благосостояния россиян.

Например, в 1984 году на выборах в Верховный Совет СССР – последних полностью контролируемых советской властью выборах, – за официальных кандидатов было подано более 99,9% бюллетеней, против – сотые доли процента. Казалось бы, тишь да гладь, полная цензура, политзаключенные сидят в тюрьмах, никакие перемены невозможны. Но уже через три года страну захлестнули массовые демонстрации под лозунгами «Долой КПСС». С одной стороны, это стало возможным, потому что Михаил Горбачев в 1985 году объявил курс на перестройку. С другой стороны, он вряд ли сделал бы это, если бы со всей страны не шел мощный низовой запрос на перемены – он очевиден, например, по фильмам и анекдотам того времени. Верхушка КПСС просто была вынуждена реагировать на него.

Сегодня нам нужно:

- максимально увеличивать внутреннее и внешнее давление на путинскую систему с целью добиться серьезных сбоев в ее функционировании;
- готовить общественное мнение к тому, чтобы масштабно выступить в поддержку демократических перемен как единственного способа решить системные проблемы страны, когда такие выступления снова станут возможными (а это неизбежно произойдет), а проблемы путинской системы настолько обострятся, что удерживать ситуацию под контролем станет сложно (как показывает вся российская история, с непригодными для жизни и развития политическими системами это непременно происходит).

Бессмысленно пытаться спрогнозировать конкретные временные контуры будущего развития событий; важно быть готовыми действовать решительно в тот момент, когда такое окно возможностей откроется. Собственно, настоящий текст во многом и служит такой цели. Нужно будет выдвинуть простые требования, которые имеют все шансы быть поддержанными широкими слоями общества:

- Признание авторитарной модели негодной для обеспечения развития страны и прогресса.
- Проведение честных и свободных выборов.
- Уход от системы гиперцентрализованной власти к новому типу государства, основанному на подлинном разделении властей, парламентаризме, федерализме.
- Формирование правительства народного доверия, уполномоченного осуществить переход к такой системе.

Как не повторить ошибок прошлого?

Хотя сегодня широко принято ругать демократический эксперимент 90-х, и часто эта критика справедлива, будущие преобразования в России будут иметь то преимущество, что мы уже проходили через болезненный, но вполне практический опыт попытки построения демократической государственности и уже понятны те вызовы и развилки, с которыми нам предстоит столкнуться.

Это огромный плюс, поскольку в начале 1990-х годов такого опыта не было, общество находилось в плену романтических иллюзий о том, что достаточно провести свободные выборы и ввести примитивные институты рыночного капитализма – и далее «рынок все сам расставит по местам» (крайне популярный штамп времен перестройки). Понимание того, что демократия – сложносоставной механизм, нуждающийся в постоянном внимании и поддержании непростого баланса сдержек и противовесов, пришло сильно позже, по факту уже с утратой политических и гражданских свобод.

Нужно отказаться от фаталистских оценок опыта 90-х. Попытки построения демократической государственности не были успешными с первого раза в подавляющем большинстве современных развитых демократий: практически все они проходили через те или иные формы несовершенной демократии, междоусобиц или реставрации авторитаризма. В этой связи фатализм и детерминизм по поводу неудач российского демократического эксперимента 1990-х годов абсолютно неуместен. Другие страны тоже пробовали не один раз, и практически у всех не получалось с первого раза. Чтобы получилось, надо пробовать еще и стремиться извлекать максимально возможные уроки из неудачного опыта, обращая его на пользу.

Что пошло не так в 1990-е и 2000-е? В реальности попытки выстроить полноценную демократическую государственность с подлинным балансом институтов и разделением властей в тот период и не предпринимались вовсе. Политический процесс очень быстро эволюционировал в сторону борьбы персоналий: сторонники реформ группировались вокруг президента (который сам постепенно дрейфовал в сторону антидемократической модели управления), противники открыто выступали за возврат к ретроградным порядкам. Честной попытки построить сбалансированную политическую систему не было, политика, хотя и оставалась достаточно конкурентной даже в начале 2000-х годов, превратилась в перетягивание одеяла на себя по принципу «победитель получает все». Хотя сейчас принято критиковать ельцинскую Конституцию 1993 года за чрезмерную концентрацию власти в руках президента, альтернативные проекты Верховного Совета не были сильно демократичнее – как не был носителем идей демократии ни соперник Ельцина на выборах 1996 года Зюганов, который плохо справлялся с задачей замаскировать намерение вернуть советские порядки, ни более поздние оппоненты Примаков и Лужков. В то время все были хороши.

Например, попыток создания функционирующего местного самоуправления так и не предпринималось; еще с начала 1990-х годов федеральные и региональные власти были едины в

порыве побыстрее уничтожить независимые муниципалитеты и подчинить их административной вертикали. Конституция 1993 года ничего не говорила о местном самоуправлении, помимо нескольких самых общих фраз. Регионам в Основном законе страны была оставлена издевательская фраза «обладают всей полнотой власти за пределами предметов ведения федерального центра и совместного ведения», что фактически означало оглушительное ничего. Оставленные Конституцией дыры и неопределенности в вопросах созыва Совета Федерации, избрания губернаторов и мэров и т.д. способствовали быстрому захвату и консолидации власти в 2000-е. В судебной системе изначально был заложен перекосяк в сторону подконтрольности исполнительной власти через назначение судей президентом, чем быстро воспользовался Путин.

Огромную проблему представляло отсутствие участия парламента в формировании правительства. Можно спорить о соотношении полномочий законодательной и исполнительной власти (авторы этих строк согласны с необходимостью движения в сторону парламентской модели правления – по этому поводу существует широкий консенсус среди российских демократических сил, – хотя она и не является панацеей от авторитаризма сама по себе), однако в 90-е парламенту не оставили вообще ничего, кроме довольно унижительной процедуры одобрения премьер-министра (под угрозой роспуска в случае отказа), без всякой возможности влиять на состав правительства. Это уничтожило политические партии как влиятельных игроков в политической системе, превратив партстроительство в состязание за доступ в высокие кабинеты.

Ключевой проблемой 90-х, подорвавшей доверие народа к демократии как явлению, стало постоянное использование институтов и ресурсов правящей группировки для решения своих вопросов вопреки честному и прозрачному демократическому процессу. Речь о широком спектре явлений – от раздачи крупной собственности и телеканалов «своим» до отсутствия прецедентов сменяемости федеральной власти на выборах. Например, мы не считаем, что на выборах 1996 года в реальности победил Зюганов, однако победа Ельцина была достигнута методами, которые сильнее всего образом дискредитировали сам процесс демократических выборов.

Хотя политическая атмосфера в 1990-е годы была довольно свободной, власть, вроде бы представлявшая демократическое крыло общества, на деле не стремилась отдать управление народу, муниципалитетам, регионам – наоборот, пыталась максимально централизовать управленческие рычаги (тогда это подавалось как необходимое условие для проведения реформ, но позже чрезмерной централизацией воспользовались совсем другие и в противоположных целях) и подчеркнуто демонстрировала, что не готова к подлинно состязательному демократическому процессу и собственной сменяемости. Всеобщие выборы не использовались для разрешения политических противоречий: первые парламентские выборы и выборы местного самоуправления состоялись лишь спустя два года после распада СССР, когда контуры персоналистской политической системы уже сложились, а полноценных демократических институтов так и не было выстроено. Подконтрольное государству и олигархии телевидение активно использовалось для манипулирования общественным мнением.

Не было также создано системы общественного контроля над спецслужбами, которые, действуя с полностью развязанными руками без каких-либо ограничительных механизмов, быстро превратились в практический инструмент осуществления захвата политической власти.

Ключевые выводы из опыта 90-х можно кратко суммировать следующим образом:

- К выстраиванию сложного баланса демократических и правовых институтов, сдержек и противовесов надо тщательно подходить с первых шагов реформ – в противном случае государственное строительство превратится в перетягивание каната между персоналиями и кланами, обнажая путь к повторному захвату власти любым из них.
- Полномочия централизованной власти должны быть максимально и очень конкретно лимитированы, фундамент новой России должен формироваться на широком мандате народного представительства от муниципалитетов и регионов.
- Парламент и политические партии должны иметь широкое влияние на формирование исполнительной власти.
- Регионы и муниципалитеты должны иметь четко очерченные неотчуждаемые масштабные полномочия и собственную финансовую базу. Полномочия центральной власти, напротив, должны быть серьезно ограничены и делегированы «снизу»; центральная власть не должна интерпретироваться как главный арбитр по всем вопросам жизни общества, она должна просто исполнять свои ограниченные функции в режиме «компактного государства».
- Должны быть созданы законодательные и практические гарантии против захвата крупной прессы узкими группами интересов.
- Судебную реформу необходимо производить немедленно при открытии демократического окна возможностей; судебная власть должна быть полностью исключена из-под повседневного контроля со стороны других ветвей власти, участие исполнительной власти в формировании судебного корпуса и управлении им должно быть исключено (подробнее об этом ниже).
- Должна быть создана система общественного контроля над спецслужбами и проведены люстрации.

С учетом негативного опыта начала 2000-х, когда группировке Путина удалось стремительно воспользоваться рыхлой институциональной базой 90-х для быстрого захвата власти (изменение порядка назначения сенаторов, судей, захват телеканалов и т.д.), России будет необходимо не только формирование максимально широкой системы сдержек и противовесов, осложняющих консолидацию власти – парламентаризм, федерализм, независимые суды, сильные регионы, муниципалитеты, независимая крупная пресса и т.д., – но и создание специального защитного механизма от любых антидемократических поползновений. Вам всегда смогут продать любое действие по консолидации власти – например, изменение порядка назначения судей, – под соусом «улучшения» работы системы; однако должен существовать стоп-механизм, который все такие предложения должен рассматривать под лупой.

В Европе таким механизмом является т.н. Венецианская комиссия, или Европейская комиссия за демократию через право (консультативный орган по конституционному праву при Совете Европы): она предварительно рассматривает проекты законов, потенциально способных ущемить права человека и демократические институты. Такие законы не могут быть приняты без вынесения заключения комиссии, а ее выводы становятся объектом широкого общественного внимания. Путинские поправки в законодательство, позволившие в 2000-е консолидировать власть, протаскивались стремительно и кулуарно, без широкой общественной дискуссии; в будущей России изменения законодательства, потенциально создающие угрозу правам человека и основам демократии, должны предварительно пристально изучаться под лупой и проходить широкое общественное обсуждение, прежде чем быть вынесены на голосование.

Нам также будет необходимо широкое, массовое и постоянное участие граждан в работе институтов демократии. Недопустимо относиться к демократии как к самонастраивающемуся механизму, где достаточно выбрать «правильного» президента – и можно дальше заниматься своими делами, а жизнь наладится сама. Так не бывает: жестокий опыт 1990-х и 2000-х учит нас, что граждане обязаны повседневно участвовать в демократическом управлении страной, в том числе на региональном и местном уровнях – иначе к власти придет мафия, которая лишит их этой возможности. К этому нужно относиться не менее серьезно и тщательно, чем к поиску заработка на жизнь или воспитанию детей.

Без деятельного повседневного участия граждан новорожденная российская демократия снова станет игрушкой в руках политиков и бюрократов, пытающихся выстроить систему управления «под себя».

Кроме этого, гораздо более серьезное внимание должно уделяться партийному строительству «снизу». Одна из проблем неудавшегося демократического эксперимента прошлого – отсутствие сильных реформистских политических партий, добровольных (а не сконструированных в инкубаторах властных кабинетов) объединений граждан, которые были бы конструктивно настроены в отношении реформ, но требовали бы их корректировки, когда это необходимо. В 1990-е годы единственной демократической партией, построенной «снизу», была партия «Яблоко», но она традиционно занимала жестко обструкционистскую позицию по отношению ко всем другим участникам политического процесса, что снизило ее возможности влиять на корректировку государственной политики. Сильные демократические реформистские партии, построенные «снизу», абсолютно необходимы, даже если у них не будет сверхбольшого числа сторонников: они смогут участвовать в правительственных коалициях, эффективно влиять на корректировку политического и экономического курса и предотвращать попытки захвата власти. По нашему мнению, избирательный барьер на парламентских выборах в этой связи надо понизить минимум до 3% – а возможно, и ниже. Ничего страшного, если небольших партий будет много: по опыту России, гораздо хуже, когда политическая партия в стране по факту остается лишь одна. Конкуренция всегда лучше монополии.

Как должна строиться новая российская государственность?

Наше видение будущего государственного устройства России – и мы видим, что вокруг этих принципов формируется широкий общественный консенсус, – во многом основано на идеях послевоенной конституции Западной Германии, Grundgesetz. Основа этих идей и всего германского государственного устройства – человеческое и гражданское достоинство и неотчуждаемые права граждан (Grundrechte). Не должно быть никакой «черной дыры» в виде нынешней статьи 55 российской Конституции, позволяющей государству произвольно ограничивать права граждан в интересах «обеспечения обороны страны и безопасности» и под прикрытием прочей демагогии.

Германская система правления основана на построении государства «снизу», от сильных регионов и муниципалитетов, которые лишь делегируют компактному федеральному правительству определенные ограниченные полномочия. В традиционной российской системе все наоборот: здесь есть огромная всеобщая федеральная власть, а регионы и муниципалитеты подбираются в поисках обьедаков этой системы.

Например, российская Конституция 1993 года (в оригинале, мы не рассматриваем нелегитимные поправки путинского периода) содержит 22 статьи, посвященные президенту и правительству, и лишь 4 – самые общие и декларативные, – посвященные местному самоуправлению. В разделе «Федеративное устройство» подробно перечислены 32 предмета ведения федерального центра и предмета совместного федерально-регионального ведения (сюда относятся все самые основные вопросы госуправления), а полномочий регионов там ноль, они ограничены издевательской фразой, которую мы уже приводили: «Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации ... субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти». Иными словами, ищите, что сможете найти за пределами нашего четко очерченного и подробно описанного федерального периметра.

В структуре доходов консолидированного бюджета Российской Федерации лишь около 35% доходов приходится на консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации, в том числе лишь менее 5% – на собственные доходы муниципалитетов, которые в России вообще лишены собственной доходной базы.

Система управления в новой России должна быть выстроена обратным образом. Основные полномочия и финансовые ресурсы должны быть сконцентрированы на местном и региональном уровне, а центральная власть должна формироваться по принципу делегирования отдельных полномочий (в области обороны, безопасности, развития общенациональной инфраструктуры, обеспечения единства экономического и правового пространства) и существовать по принципу «компактного государства», которому можно лишь то, что четко делегировано ему законом.

Различные атрибуты гиперцентрализованной власти из прошлого должны быть упразднены,

в том числе:

- институт суперпрезидентства: президент должен лишь выполнять технические функции по обеспечению формирования правительства парламентского большинства, а также представительские функции в стране и за рубежом;
- федеральное правительство должно формироваться коалицией парламентских партий, вмешательство президента в этот процесс должно быть ограничено строгими формальными инструкциями по передаче мандата на формирование кабинета лидерам парламентских фракций в порядке установленной законом очередности;
- упразднение всевозможных «администраций президента» и «аппаратов правительства» как исполнительных органов управления, жесткое ограничение аппарата высших должностных лиц функциями технических секретариатов;
- запрет на участие федеральной власти в разрешении различных вопросов в качестве арбитра между другими органами власти и структурами; возникающие противоречия должны разрешаться строго в соответствии с законом, в том числе в судебном порядке, без возложения на федеральную власть неформальной функции «главного решалы». Федеральная власть должна лишь осуществлять контроль за соблюдением законности на региональном и местном уровне (подробнее об этом ниже).

Для обеспечения первоочередных шагов по построению новой России «снизу» мы считаем необходимым начать строительство государственных институтов с проведения всеобщих выборов в органы местного самоуправления, которые впоследствии делегируют необходимую часть полномочий наверх, но будут первоисточником легитимности в стране, формируя контуры федеральной власти, а не наоборот (подробнее об этом ниже).

Как представляется, в целом большой ошибкой преобразований 1980-х и 1990-х было то, что Россия интуитивно двинулась по пути построения американской/французской модели управления с сильной президентской властью, в то время как следовало пойти скорее по германской модели, предусматривающей «компактное государство», приоритет прав и достоинств индивидуального гражданина, федерализм, сильное местное самоуправление, парламентаризм. В деталях речь обо всем этом пойдет чуть ниже.

Как преодолеть тяжелое наследие путинизма и войны?

Путинская война против Украины нанесла России невероятный ущерб, который не загладить десятилетиями. Большинству граждан России только предстоит осознать масштабы человеческих страданий и разрушений, которые принесла Украине, России и миру захватническая имперская политика – не только режима Путина, но и предыдущих поколений авторитарных лидеров. Россияне должны будут полностью осознать, что эгоизм, шовинизм, попытки удовлетворить свои амбиции за счет ущемления прав и интересов других людей и народов неприемлемы в современном мире.

Все эти инстинкты поощрялись в российском народе диктаторской властью в корыстных интересах, но в будущем на все это должно быть наложено жесточайшее табу. В предыдущие десятилетия общество толерантно относилось к имперским реваншистским силам, позволяя им разворачивать свою людоедскую агитацию и пропаганду. Государство и его пропагандистские ресурсы насаждали культ исключительности нации и нормализовали силовые методы достижения эгоистичных целей во внутренней и внешней политике.

России необходима глубокая детоксикация от десятилетий подобного промывания мозгов. Токсичным имперским идеям и их носителям нужно закрыть дорогу в общественно-политическую жизнь, образование, быт. В этом плане опыт послевоенной Германии тоже придется как нельзя более кстати.

Мы не являемся сторонниками идеи втягивания российского общества в бесконечную спираль вечного покаяния. России есть чего стыдиться в своем прошлом, в том числе недавнем – и обо всем этом нужно открыто говорить. Военные преступники и причастные к репрессиям должны быть показательно наказаны, их действия – стать эталоном того, «как нельзя», на долгие годы вперед.

Вместе с тем необходимо помнить, что история России – не примитивный экскурс в послушание диктаторам и имперское мышление. Все последние столетия и десятилетия большие массы россиян самоотверженно боролись с диктатурой ценой многих жертв. Рассуждения о «рабском» и «холопском» генах россиян – ложь. Помимо стыда за массовые преступления соотечественников, нам есть и чем гордиться: своей тяжелой и неравной борьбой за свободу. Многие миллионы россиян с уважением и искренней любовью относились к соседним народам, их правам, выбору и суверенитету; это особенно ярко проявилось в конце 1980-х и начале 1990-х. Россияне погибли в ночь с 20 на 21 августа 1991 года на Садовом кольце в Москве, сражаясь в том числе и за свободу стран-соседей, которые после нашей победы над путчем ГКЧП массово объявили о независимости. Крупнейшим митингом в истории российского государства был митинг в январе 1991 года на Манежной площади в поддержку борьбы Литвы за независимость. В декабре 1991 года, после мирного роспуска СССР, россияне признали суверенитет соседних народов, протесты против обретения независимости новыми

суверенными государствами были ничтожными по масштабам. Люди с имперским мышлением – лишь небольшая часть россиян, сегмент подобного типа есть в любом обществе. Мы умеем любить и уважать соседние народы.

Несколько слов об Украине. России невероятно повезло, что рядом с нами много веков существовала и существует такая яркая и талантливая нация. За исключением узкого слоя «профессиональных имперцев», россияне всегда любили и уважали украинцев, их суверенитет и право выбора. Мы признали независимость и суверенитет Украины в 1991 году и в течение десятилетий закрепляли его целым рядом соглашений с Украиной, ратифицированных российским парламентом разных созывов. До путинского нападения на Украину заметное большинство россиян поддерживало существование Украины как независимого государства, лишь 16% хотели ее объединения с Россией¹. Это примерно соответствует нынешней доле упертых имперцев, желающих завоевывать Украину: по оценке главы прокремлевского ВЦИОМа Федорова, таких людей максимум 10-15%, в то время как «большинство россиян не требуют взять Киев или Одессу. Они удовольствия от битв не получают. Была бы их воля, они бы военную операцию не начинали»². После нападения на Украину и отторжения Крыма и Донбасса в 2014 году десятки тысяч россиян вышли на улицы с украинскими флагами для участия в массовых «маршах мира». До путинского полномасштабного вторжения в Украину в феврале 2022 года лишь 5% россиян считали войну между Россией и Украиной «неизбежной», а более чем половина населения нашей страны была напугана такой перспективой³.

Мы должны помнить, что российская нация – не нация оголтелых имперцев, желающих захватывать и покорять соседние страны и народы. Таких людей в нашей стране меньшинство, они навязали свою волю остальным методами насилия, запугивания и пропаганды. Россия хочет мирного и добрососедского сосуществования с Украиной и другими странами и народами.

Как государство Россия полностью ответственна за преступления и ущерб, нанесенный путинским режимом Украине. Мы обязаны выдать для осуществления правосудия всех военных преступников, причастных к агрессии против Украины, вернуть все территории в пределах международно признанных границ 1991 года и в полной мере выплатить Украине репарации, причитающиеся за нанесенный этой стране ущерб. Существуют способы сделать это, избегая чрезмерной нагрузки на российскую экономику, с целью избежать повторения печального опыта возложения избыточных репараций на Германию после Первой мировой войны, спровоцировавшего рост популярности реваншистских сил.

Вместе с тем принцип коллективной ответственности россиян за путинскую агрессию против Украины неприемлем. Необходимо расследование конкретных преступлений и наказание конкретных виновных. Рассуждения о «коллективной вине» неприемлемы – они размывают ответственность конкретных преступников и противоречат основам современного демократического права и мировоззрения, призывая к наказанию невиновных и возведению

1 Левада-центр, ноябрь 2013 года, <https://www.levada.ru/2013/11/12/rossiyane-ob-ukraine/>

2 <https://www.rbc.ru/interview/politics/30/09/2023/6516d4959a7947607f4970c8>

3 Левада-центр, февраль 2022 года, <https://www.levada.ru/2022/02/24/ukraina-i-donbass-2/>

целых наций в ранг «неполноценных»; Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны поставила точку в вопросе о том, несут ли гражданские лица, не принимающие участия в войне, ответственность за действия военных.

Однако хотя мы против принципа коллективной ответственности, нельзя не сказать о том, что еще с советского времени (да и раньше) культ исключительности собственной нации, пренебрежения к правам и законным интересам окружающих ради непонятно кем и как сформулированных «национальных интересов», милитаризма и военно-мобилизационной модели построения общества глубоко засел в сознании многих россиян. Шовинизм, эгоизм, милитаризм, помноженные на низкое качество гуманитарного образования и отсутствие представлений о том, как должно функционировать современное развитое и гуманистическое общество XXI века, – огромная проблема для значительной части российского общества. Люди подобных взглядов неоднократно становились базой поддержки и «пушечным мясом» для архаичных режимов – в том числе и для путинского.

Нужны серьезные усилия в сфере образования и формирования основ публичной дискуссии в России, для того чтобы милитаристские и эгоистические взгляды стали табуированными в современном обществе. Как и в Германии после Второй мировой войны, воззрения, возвеличивающие культ милитаризма и имперства, должны будут подвергаться в обществе широкому остракизму, на носителей подобных идей будет возложена вся полнота исторической вины за огромные трудности, к которым привела наш народ имперская и диктаторская Россия. Например, уже сегодня имперцы и милитаристы, понимая свое неизбежное политическое поражение, готовят почву для будущего реванша, пытаются возложить на будущих реформаторов ответственность за будущую выплату Украине огромных послевоенных репараций. В этом вопросе должны быть четко расставлены точки над *i*: всю полноту ответственности за репарации, санкции, потери и прочий ущерб, который Россия несет сегодня и понесет в будущем в результате агрессии против Украины, должны нести те, кто развязал войну, и те, кто продвигал идеи имперской и милитаристской политики, тоталитарного гиперцентрализованного государства. Они не впервые приводят нашу страну к полному краху: это происходило от Ивана Грозного до династии Романовых, до КПСС и Путина, и каждый раз по одной и той же схеме. Путь в политику и общественную деятельность для носителей подобных античеловеческих взглядов должен быть закрыт раз и навсегда. Послевоенная Германия – позитивный пример того, как это может быть сделано на практике.

России нужна будет переходная юстиция и национальная «комиссия по установлению истины и примирению» (по аналогии с рядом других стран, осуществлявших переход от диктатуры к демократии), где будет открыто обсуждаться вина конкретных лиц в построении авторитарного режима и недемократическом захвате власти, промывании мозгов россиянам путем пропаганды, развязывании войны. Это должна быть широкая кампания по установлению исторической правды за пределами розыска и выдачи военных преступников: необходимо установление всего круга людей и инструментов, сделавших бесчеловечную агрессивную диктатуру возможной, с наказанием виновных и опубликованием всех деталей захвата власти и понуждения общества к агрессии, для предотвращения повторения чего бы то ни было

подобного в будущем. Для тех, кто добровольно раскается в своих действиях и окажет помощь в установлении фактов о преступлениях авторитарного режима, может объявляться смягчение ответственности и амнистия – в зависимости от степени тяжести содеянного и конкретной помощи расследованию.

Система образования и государственная поддержка культуры и спорта должны быть полностью очищены от восхваления этатистского и милитаристского прошлого. При этом не обязательно повторять ошибку 1980-х годов и формировать у народа комплекс постоянной вины: в российской истории было многое, чем стоит гордиться. Это не правители и военные, а обычные россияне – борцы за свободу, люди творчества, ученые, первооткрыватели. Багажа для национальной гордости здесь хватит на целый континент. Однако важно преодолеть традицию, согласно которой россияне поклонялись прежде всего культу власти и милитаризма. Понятие патриотизма должно ассоциироваться не с властным насилием и агрессией, а со стремлением к свободе, творчеству, мирному сосуществованию с окружающими нас народами. Это же касается и внешнеполитического измерения: россияне должны гордиться тем, что помогли нашим странам-соседям добиться свободы, и радоваться их прогрессу, а не сожалеть об утрате территорий: нам бы разобраться с наведением порядка на своих законных 17 миллионах квадратных километров.

Мы не считаем, что большинство населения России настолько архаично, чтобы сопротивляться подобным переменам. Даже кремлевские придворные социологи (см. упомянутое выше интервью главы ВЦИОМа Федорова) оценивают долю наиболее агрессивно и имперски настроенных россиян не более чем в 10-15%; большинство людей очевидно обработано пропагандой и 20 лет назад имело совсем другое мнение (об этом также говорилось выше). Да, процесс детоксикации российского общества будет трудным, однако и другие страны проходили через непростые преобразования подобного рода, и это возможно, хотя и непросто. Но мы верим в успех.

Надежду внушает и молодое поколение россиян, которое очевидно не разделяет архаичные, этатистские и имперские взгляды старших. Среди молодежи наиболее сильно распространены и эмигрантские настроения: сложно видеть в путинской России возможности для самореализации и нормального будущего. Мы должны сделать все, чтобы молодое поколение россиян поверило в будущее новой свободной России и осталось в стране. Предлагаемые нами преобразования направлены именно на это.

Многие справедливо отметят, что те же самые кардинальные общественно-политические преобразования в послевоенной Германии проводились в условиях внешней оккупации, которая с Россией вряд ли случится. Однако есть и другой пример – послевоенная Япония, где американская оккупация носила скорее символический характер. Откреститься от имперского прошлого и подписать Сан-Францисский мирный договор Японию вынудили скорее не через военную оккупацию, а путем демонстрации исторической развилки: хотите выйти из изоляции и получить шанс на развитие – проводите реформы, отказывайтесь от имперского прошлого и становитесь частью современного демократического мира. Япония в итоге сделала именно

такой выбор. Россия тоже сможет его сделать; стимул в виде отмены санкций и международной изоляции вполне может рассматриваться в качестве побуждающего мотива для проведения реформ.

Какие преобразования важнее всего?

Безусловно, Россия должна трансформироваться в парламентскую республику, где больше не будет места гиперцентрализованной исполнительной власти. Правительство должно формироваться коалицией парламентского большинства, как это происходит почти во всех странах Евросоюза. Коалиционный принцип формирования правительства будет стимулировать партии к политическому диалогу и смягчению противоречий – в отличие от той же американской системы, которая из-за недостаточной гибкости ведет ситуацию к ожесточенному противостоянию политических лагерей.

Вместе с тем мы хотели бы предостеречь сторонников парламентской модели правления от того, чтобы рассматривать парламентаризм как единственную панацею от всех проблем России. Сегодня встречаются такие взгляды, что достаточно якобы просто перейти к парламентской системе, и все проблемы страны как бы решатся сами собой – примерно так же в 1980-е многие романтики перестройки считали, что достаточно заменить плановое хозяйство на рыночные отношения, и «рынок сам расставит все по местам». Парламентская система, хотя и имеет ряд преимуществ, сама по себе не является гарантией от захвата власти – можно вспомнить хотя бы Венгрию и ряд других стран Европы, да и наш собственный опыт начала 1990-х, когда Съезд народных депутатов превратился в место концентрации ретроградных и антидемократических сил, представленных там куда в большей пропорции, чем в обществе в целом.

Нам представляется, что гораздо важнее формирование более широкой системы работающих сдержек и противовесов (регионы, муниципалитеты, суды, гарантии независимости прессы и деятельности политической оппозиции), чем простые качели «президентство/парламентаризм». Подробнее все эти механизмы описаны ниже; парламентская система хорошо вписывается в модель детального разделения властей и функций.

Реформа силовых структур и проведение люстраций будут играть первоочередную роль. Парламентским комитетам по вопросам обороны и безопасности будут предоставлены неограниченные полномочия по осуществлению контроля за деятельностью всех силовых структур; понятие «права первой ночи» исполнительной власти по определению режима секретности будет устранено, решающую роль будет играть руководство парламента и парламентских комитетов. 99% бюджетов силовых структур будет рассекречено, за исключением самых новейших разработок. Будет объявлен широкий новый набор в руководство силовых структур из числа квалифицированных дееспособных россиян, не запятанных работой на путинский режим.

Вооруженные силы Российской Федерации будут расформированы, вместо них будут созданы новые Силы самообороны России, очищенные от военных преступников. Военные расходы России будут ограничены по Конституции, будет проведена демилитаризация страны. В обмен на это Россия должна будет заручиться поддержкой НАТО и других союзников для участия в решении вопросов необходимой обороны страны от угроз с Юга и Востока (об этом ниже).

Министерство внутренних дел будет расформировано, громоздкий милицейский генералитет – упразднен. Вместо этого будет сформирована муниципальная полиция, задачей которой будет поддержание правопорядка и низких показателей преступности на вверенной территории; она будет подотчетна муниципалитетам, а полицейские начальники – выбираться местными депутатами или населением напрямую (как решат на местах). Борьбой с организованной преступностью будет заниматься компактное агентство соответствующего профиля.

Федеральная служба безопасности будет расформирована раз и навсегда, а здание центрального аппарата ФСБ на Лубянской площади – демонтировано; на его месте будет разбит парк памяти жертв политических репрессий. Вопросами борьбы с терроризмом будет заниматься вновь созданный компактный антитеррористический комитет, чьи полномочия будут ограничены законом и жестко подконтрольны парламенту. Будет расформирована и Генпрокуратура – ее заменит институт поддержки государственного обвинения в судах.

Невероятно важную роль в будущем России будет играть судебная реформа. В 1990-е годы нам так и не удалось создать независимую ветвь судебной власти: по Конституции 1993 года она была по факту подчинена президентской вертикали через институт назначения судей, при Путине этот перекося усилился. Это важнейшая ошибка прошлого, которую необходимо исправить; отсутствие независимого суда уничтожает как основы демократического устройства общества, так и экономические перспективы страны, отпугивая инвесторов. Профессиональное юридическое сообщество давно сформулировало основы будущей судебной реформы: полное исключение исполнительной власти из процесса назначения судей и из квалификационных коллегий, уполномоченных решать вопросы лишения судейского статуса; ликвидация административных должностей в судебной системе, таких как институт председателей судов; расширение сферы применения судов присяжных; внесение поправок в бюджетное законодательство с целью создания независимой финансовой базы (минимально установленных законом отчислений на финансирование судебной системы), чтобы искоренить зависимость судов от подачек со стороны исполнительной власти, и многое другое. Будет проведена полная переаттестация судейского корпуса; новый судейский корпус будет набираться не из аппаратчиков и силовиков, как при Путине, а преимущественно из адвокатуры, академических юридических кругов, частных практикующих юристов, правозащитников. Существуют разные варианты назначения судей – парламентом (парламентами регионов), судейским сообществом; конкретный порядок будет обсуждаться путем открытой демократической дискуссии, однако из этого процесса, повторимся, совершенно точно должна быть исключена исполнительная власть.

Необходимо будет ввести жесткий барьер даже на контакты судейского корпуса с представителями исполнительной власти и бизнеса для исключения неподобающего влияния на судебные решения: закон будет требовать, чтобы любые такие факты гласно расследовались, а на время расследования возможности судей выносить решения по рассматриваемым делам приостанавливались (в случае выявления фактов недопустимого влияния на суд должен рассматриваться вопрос о лишении судейского статуса).

Необходима также кардинальная реформа уголовного и административного права с разворотом его в сторону защиты прав граждан и базовых демократических институтов, а не государственной машины. Например, сегодня одни из самых суровых наказаний предусмотрены в рамках раздела X УК РФ «Преступления против государственной власти», в то время как наказания за пытки, незаконное проникновение в жилище, фальсификацию выборов минимальны. Должно быть ровно наоборот. С первых дней начала функционирования новой свободной России отдельная комиссия специалистов в области права должна будет приступить к быстрой подготовке соответствующих поправок в уголовный и административный кодексы с целью отмены искусственно выдуманных наказаний за «несогласие с начальством» и, напротив, ужесточения существующих эфемерных и легковесных форм ответственности за нарушение прав граждан и попрание институтов демократии. Например, по нашему мнению, за фальсификацию выборов должны полагаться длительные тюремные сроки даже для рядовых участников этого процесса.

Очень важно провести глубокие реформы российских социальных институтов. Сегодня они не работают на приумножение человеческого капитала и формирование общественного сознания, соответствующего передовым гуманистическим трендам XXI века. России необходима совершенно другая модель начального образования, которая давала бы новому поколению обзорный взгляд на устройство современного мира (вместо пичкания детей муштрой и зубрежкой), без индоктринации и формирования культа «сильного государства». Высшей школе необходима интеграция в мировую систему образования, чтобы россияне были конкурентоспособными в современном мире.

Необходима фиксация в бюджетном законодательстве минимального уровня государственного финансирования образования и здравоохранения, чтобы исключить усилившееся в последние годы хроническое недофинансирование этой сферы. Медицина должна перестать быть «нелюбимой золошкой» бюджета, равно как и начальное образование: учителя и врачи, а не чиновники и военные, должны рассматриваться как центральное звено государственной системы, которое является приоритетом в том числе с точки зрения бюджетных расходов. Нельзя экономить на здоровье нации и ее будущем.

Практический процесс и этапы перехода к новой системе

Возможно ли прописать план постепенной, но неизбежной трансформации власти на много лет вперед и добиться его исполнения от политиков будущего, среди которых могут оказаться и люди с совершенно иными убеждениями? В теории да, в реальных условиях России – вероятно, нет. То, что не будет изменено и отменено сразу или в ближайшие месяцы, скорее всего, станет точкой консолидации всех сил антидемократического реванша или рычагом в их руках. Поэтому действовать надо быстро и решительно, уничтожая не просто старые органы власти, но и сам фундамент, на котором они стояли, и сами принципы, по которым работали механизмы власти в путинской России. Надо изменить правила игры максимально быстро и радикально, чтоб дезориентировать и лишить всех привилегий сформировавшийся при Путине управленческий слой и не дать старым элитам перехватить инициативу или просто навязать себя в качестве незаменимых знатоков хозяйственной и политической жизни России.

Путинское государство стоит на принципах унитаризма, единоначалия и концентрации максимума полномочий в руках высшего руководства режима, а потому очевиден и путь перемен: федерализм, конституционная невозможность любого единоначалия, передача максимума полномочий максимальному количеству избираемых гражданами органов власти – муниципальным, региональным и в последнюю очередь федеральным.

У демократии в России должна быть не просто широкая база активных сторонников, но и как можно больше выгодоприобретателей от новых порядков. И ими должны стать привлеченные к управлению страной через муниципальные и другие выборы граждане. Желательно, чтоб ранее они не участвовали в органах власти и были обязаны своей политической карьерой начавшимся переменам – тогда они будут бдительно следить, чтоб в органы власти не вернулись путинские кадры.

Россия должна быстро и необратимо стать другой: это лучшая защита от реванша. Воссозданная Путиным советская вертикаль власти должна быть не просто демонтирована – должна исчезнуть сама возможность ее воссоздания, уничтожены те блоки, из которых ее можно было бы пересобрать.

Какие же проблемы и решения видятся на этом пути?

Во-первых, парламентаризм на всех уровнях. Переход к парламентской демократии должен быть официально объявлен целью политических реформ и происходить безусловно и быстро. Везде, где можно обходиться без единоличного руководителя, напрямую избираемого гражданами, надо без него обходиться. Отрицание единоначалия во всех структурах, кроме силовых (и то с очень четкими и прозрачно прописанными в законах оговорками), должно стать принципом формирования государства. Исполнительная власть везде и всегда должна быть коллегиальной и ответственной перед законодательной – и никак иначе.

За путинское время сформировались представления о том, что всенародные выборы

губернаторов и мэров – это и есть демократия. Эти идеи популярны среди людей в России, но в стране с таким опытом авторитаризма и узурпации власти элитам в данном вопросе необходимо противостоять популярным у населения лозунгам. В теории всенародно избранные губернаторы и мэры вроде бы и должны были стать главными стражами демократии. В реальной же России именно на этих постах в начале 1990-х закрепились советские бюрократы, которые сделали возможным построение путинизма и демонтаж элементов демократии буквально за несколько лет. Ни один из «политических тяжеловесов» региональной политики 1990-х не перешел в оппозицию и не выступил против начавшейся узурпации – об этом необходимо помнить. Региональные лидеры 1990-х прилагали огромные усилия к выстраиванию властных вертикалей в своих регионах, что фактически привело к ликвидации или ослаблению местного самоуправления еще до начала путинского наступления на демократию. По сути, во многих случаях, включая Москву, Путин получил готовый механизм автократии – надо было просто заменить старого главу региона на своего ставленника.

Поэтому, реформируя Россию, необходимо постулировать, что она должна управляться парламентами на всех уровнях – на федеральном, региональном и местном. Исключением могут стать только небольшие поселения (например, до 30-50 тысяч жителей, но это надо обсуждать детальнее и, возможно, на региональном уровне, с учетом местной специфики), где можно сохранить прямые выборы старост и городских глав.

Вместо воссозданной Путиным вертикали унитарной власти (президент-губернатор-мэр) в России должна сформироваться система действующих в рамках своих полномочий парламентов, избирающих последовательно сити-менеджеров, глав региональных правительств и главу федерального правительства. Здесь надо обратить внимание на опыт европейских федераций и прежде всего – на опыт ФРГ, где парламентаризм и федерализм образуют прочный фундамент демократии. Особенно примечательно, что структура земель и местного самоуправления была воссоздана оккупационными властями еще до образования собственно ФРГ, что сразу задавало новый ритм существования стране. Возможно, и в России надо пойти этим путем – до переустройства всего государства сформировать муниципальную и региональную власть и только потом перейти от временного правительства к постоянному, сформированному уже по новой Конституции. Важно отметить, что даже во временной схеме временному федеральному правительству важно сразу стать союзником новой муниципальной власти, что создаст опору и для него, и для нового режима.

После перехода к штатному функционированию системы согласно новой Конституции федеральный премьер-министр не должен иметь никаких возможностей вмешиваться в работу региональных или муниципальных властей, за исключением строго оговоренных чрезвычайных ситуаций. Любые попытки вышестоящих органов власти вмешиваться в работу нижестоящих без соблюдения четко оговоренных и прозрачных условий и процедур должно рассматриваться как покушение на конституционный строй и пресекаться.

Само по себе прямое общение исполнительной власти разных уровней должно быть формализовано и рассматриваться как нечто исключительное и даже подозрительное.

Исключительные случаи, когда руководители органов исполнительной власти разных уровней вступают в прямые отношения между собой – действия в условиях чрезвычайных ситуаций и в условиях выявленных нарушений прав человека органами местных властей. Здесь надо не забывать о печальном примере станицы Куцевской, где местная власть оказалась фактически захваченной бандой и многие годы действовала в ее интересах. Подобные сценарии могут реализоваться во многих местах, и способы решения таких проблем надо заложить в Конституцию.

Именно для вмешательства в такие ситуации и должна сохраниться система федеральных органов. Их важнейшей функцией, помимо координации усилий всех органов в чрезвычайных ситуациях, должна быть защита прав человека и надзор за соблюдением законности на всех уровнях. Для защиты прав человека от произвола местных органов власти и демократии от организованной преступности нужны и федеральные органы безопасности – федеральная криминальная полиция (действующая параллельно с муниципальной и делящая с ней полномочия в рамках прозрачного и ясного законодательства), федеральная служба защиты Конституции и необходимые органы контрразведки.

Далее – сильное местное самоуправление. Запуская демократические реформы и объявляя выборы, необходимо помнить: победить на выборах в федеральный или региональные парламенты в большинстве случаев довольно сложно, так как стоимость кампаний слишком велика для рядовых активистов и представителей малого бизнеса. По сути, любые выборы в больших одномандатных округах сразу дают фору ресурсным кандидатам. Нет сомнений, что в постпутинскую эпоху самыми ресурсными будут кандидаты от бывшей элиты – как минимум первые избирательные циклы.

Кроме того, до изменения Конституции не очень понятно, какими вообще будут федеральный и региональный парламенты. В то же время затягивать с проведением выборов нельзя: энергию общества надо срочно куда-то направлять, пока окно возможностей не захлопнулось.

Выходом может стать стремительное переформирование низового, самого массового и близкого к людям уровня власти – муниципального, который для смены парадигмы можно переименовать в земство или же так и называть местным самоуправлением. Всеобщие выборы в местные органы власти не только обновят власть на местах, но и выведут на политическую орбиту десятки тысяч новых людей, которые потом станут региональными и федеральными политиками и депутатами. И здесь важно предусмотреть увеличение численности муниципальных собраний: в больших городах один депутат не может избираться более чем от 10-20 тысяч человек. Эта мера, с одной стороны, удешевит вход в политику для новых участников, с другой – затруднит подкуп новых депутатов старыми элитами: коррумпировать 30-40 депутатов гораздо проще, чем без скандалов скупить голоса нескольких десятков или даже сотен избранных. Во избежание появления слишком многочисленных муниципальных собраний стоит ввести и верхнюю планку для населения одного муниципального образования – например, не более 1 миллиона человек с квотой «один депутат от 20 000 максимум». Большие муниципалитеты современной России (все города с населением больше 1 миллиона человек) необходимо переформатировать в

городские федерации, где есть условный Сити и прилегающие к нему муниципалитеты.

Для усложнения реванша всему нынешнему начальству следует запретить участвовать в новых местных выборах (хотя бы в первых), создав благоприятную ситуацию для прихода во власть максимального количества коммерсантов и активистов, ранее избегавших участия в политике. Кроме того, в местных выборах должно быть разрешено участвовать всем гражданам России без ограничений – имеющим вторые и третьи гражданства, виды на жительство других стран, судимости по «политическим» статьям, много лет проживавших в других регионах и странах. Цель этих мер – легализовать в российской политике максимальное количество оппозиционеров и эмигрантов, а также всех тех, кто был отстранен от участия в политике в прошлые годы.

При этом надо сразу анонсировать передачу власти и денег в новые местные органы власти, а региональные парламенты до определения системы их формирования заменить ассамблеями представителей новоизбранных местных органов власти, что поможет обезвредить всю путинскую региональную элиту. Именно снизу и надо формировать всю временную власть в России: сначала местные органы, потом из их представителей временные региональные, а на всероссийском съезде – временные федеральные. Возможно, региональные парламенты и вообще должны остаться ассамблеями представителей муниципальной власти.

Муниципальная власть должна стать самой массовой политической структурой в России, она должна быть настолько влиятельной, чтоб стоять на пути любой возможной узурпации и снабжать прошедшими демократическую школу кадрами все вышестоящие уровни власти. Поэтому временное переходное правительство должно всячески декларировать свое желание передать всю власть вниз и принять максимальное количество мер для того, чтоб власть и деньги действительно оказались в распоряжении муниципалитетов. Все это сделает новоизбранные органы и их депутатов союзниками федерализма, демократии и демократической федеральной власти – может быть, не везде, но во многих местах.

Бояться того, что где-то большинство в местных органах власти окажется у непонятных, неприятных или даже откровенно опасных людей, не стоит: муниципалитетов в России многие тысячи, и контроль за некоторыми из них со стороны реваншистов не может изменить ситуацию в целом. Кроме того, это важный мобилирующий фактор: врагов демократии надо видеть на игровом поле, а не загонять в подполье.

Еще раз подчеркнем: неудача прошлых попыток построения федерализма в России коренится в том, что федерализм всегда спускался сверху и ни на что не опирался внизу. Муниципальная власть и федеральным, и региональным уровнями власти рассматривалась как источник непослушания и проблем, а потому как ненужная и декоративная, а региональная, особенно в регионах без этнической и культурной самобытности, висела в пустоте, саму себя ощущая второсортной по отношению к федеральной. Это отношение необходимо сломать: муниципальный депутат должен чувствовать себя хранителем фундамента демократии и федерализма, а не придатком какой-то уходящей в Кремль вертикали.

Субъекты федерации и принцип их формирования

Принципы формирования регионов России – непростая тема. Никакой общей логики в их формировании не было и нет сейчас: большинство субъектов федерации сформировано по территориальному принципу и по умолчанию считаются населенными этническими русскими, а часть субъектов федерации считается автономиями коренных народов. То есть внутри самой себя Россия – и федерация равноправных регионов, и федерация этнонациональных протогосударств. Окончательно запутывает дело то, что во многих этнических автономиях титульный этнос не является большинством и по демографическим причинам никогда им не будет.

Отдельная проблема – представительство регионов. С одной стороны, все регионы должны быть представлены в федеральных органах власти. С другой стороны, равное представительство малочисленных субъектов федерации с населением в несколько десятков тысяч жителей и таких мегаполисов, как Москва или Санкт-Петербург, неизбежно вызовет кризис. Это в условиях советской или путинской диктатуры острые вопросы можно просто запретить к обсуждению, а в условиях демократии и свободы слова все эти сложные темы будут дискутироваться на всех уровнях.

Таким образом, возникает вопрос: по каким принципам должны формироваться регионы России? Какие надо сохранять, какие – укрупнять, и по каким критериям?

Во-первых, необходимо официально объявить, что целью политики страны является формирование максимально самостоятельных в экономическом смысле регионов (как, впрочем, и муниципалитетов). Как минимум, регион должен быть способен покрыть расходы на содержание своей транспортной и административной инфраструктуры собираемыми налогами.

Во-вторых, границы субъекта федерации должны быть логически и экономически объяснимы, в том числе для жителей входящих в его состав муниципалитетов. С точки зрения демократического устройства общества вполне логично, что каждый муниципалитет должен относиться к тому региону, центр которого к нему ближе и пребывание в составе которого отвечает экономическим, логистическим и культурно-политическим интересам его жителей. Поэтому прежде чем зафиксировать границы регионов в составе обновленной федерации, следовало бы провести местные референдумы и спросить жителей муниципалитетов, в каком регионе они сами хотят находиться. Но и тут надо понимать, что процесс добровольного размежевания чреват множеством местных конфликтов. С другой стороны, современные технологии коммуникации делают вполне жизнеспособной разветвленную систему анклавов и эксклавов, которые политически и культурно могут относиться к одному региону, а экономически и инфраструктурно – к другому. Поэтому представляется хорошим вариантом зафиксировать в новой Конституции (или хотя бы в ее переходных положениях на первые 10-20 лет) возможность

изменения границ субъектов федерации по результатам референдумов или решений местных органов власти. Такой подход может решить вопрос переформатирования субъектов федерации в рабочем режиме: те из них, которые будут экономически и инфраструктурно привлекательны, будут прирастать муниципалитетами, «бегущими» из менее удачных субъектов, а непривлекательные субъекты федерации могут естественным путем исчезнуть с карты страны.

Драйверами развития России, как и всего мира, в XXI веке будут крупные города. Поэтому при переформатировании субъектов федерации необходимо исходить из создания условий максимального благоприятствования именно для перспективных городских агломераций. Находящиеся на расстоянии не более 200–300 километров друг от друга города лучше не разделять по различным субъектам федерации, а наоборот – соединять в рамках одного и работать над их синергетическим развитием.

Естественно, необходимо уйти от нынешней ситуации, когда малонаселенные регионы перепредставлены в законодательных органах федерации, а крупные города – наоборот. В то же время подлинная демократическая федерация предполагает широкие возможности для регионов отстаивать свои права. Только взаимовыгодный и четко прописанный в юридических и политических документах компромисс между федеральным центром (фактически самой населенной агломерацией России), регионами и муниципалитетами должен стать тем фундаментом, который обеспечит развитие страны.

Самоопределение национальных меньшинств

Важный вопрос построения будущей России – выстраивание гармоничных отношений с этническими меньшинствами. Среди многих из них в последнее время обострилось недовольство Россией: национальные меньшинства не выбрали курс на имперство, агрессию, подавление гражданских прав и свобод, но страдают от всего этого не меньше, а часто больше, чем титульный этнос. Усилились разговоры о самоопределении этнических меньшинств – вплоть до отделения от России.

В этих дискуссиях нет совершенно ничего страшного. Россия только выиграет, если будет смотреть на этнические меньшинства как на равноправных партнеров, соседство с которыми обогащает нас, существуют они в составе России или нет. Нам следует гордиться эпизодами в нашей истории, когда мы предоставляли национальным меньшинствам право свободного выбора – что после 1917 года, что после 1991-го. И стыдиться тех случаев, когда мы пытались удерживать их силой. Немало примеров, когда нации, которые получили свободу от России, в будущем стали нашими хорошими друзьями и партнерами, обогатили нас (чего стоит один пример Финляндии). Не стоит бояться самоопределения народов, сегодня входящих в состав России.

Следует отметить, что сегодняшняя Россия непохожа на нашу страну образца 1917 или

1991 годов. Тогда с распадом империй происходила настоящая деколонизация: например, в позднем СССР этнические русские составляли лишь 50% населения, а другую половину – поработенные народы. Сейчас более 80% населения России составляют этнические русские, они же заселяют более 80% территории. Даже если все этнические меньшинства отделятся от нашей страны, это не приведет к ее распаду; никакого запроса на отделение со стороны регионов, населенных преимущественно русскими, нет. Таким образом, тема «распада России по национальному признаку» сегодня часто преувеличена.

Однако самоопределение этнических меньшинств – крайне важная тема, и правильная политика в этом вопросе убедит и граждан нашей страны, и мировое сообщество в том, что мы перестали быть «тюрьмой народов» и готовы уважать права и свободный выбор каждого. Многие народы вполне могут захотеть остаться в составе свободной, светской, демократической, федеративной и децентрализованной России – мы всячески будем это приветствовать и добиваться того, чтобы в составе России права и культура этих наций уважались. Тем, кто захочет отделиться, гарантируем мирный развод на уровне высших стандартов последних десятилетий (например, мирного развода Чехии и Словакии в 1993 году). Решаться это должно открытым демократическим путем, с соблюдением демократических правил, принципов светскости и представительной демократии, под международным наблюдением.

Принципы этнокультурной политики новой России

Этнонациональная политика нового российского государства должна строиться с учетом максимального количества интересов.

Во-первых, должны быть учтены интересы всех народов России. При этом интересы этноса – это совсем не интересы тех, кто в путинской России правит от его имени. Деление на «плохих» и «хороших» по этническому признаку не работает хотя бы потому, что сегодня все элиты этнических регионов не просто лояльны диктатору и его преступной политике, но и выступают ее активными проводниками. Нам кажется правильным серьезное реформирование всей системы представительства этносов в новом федеративном государстве с использованием разнообразного мирового опыта.

Во-вторых, большинство населения России сегодня причисляет себя к русскому народу, и в обозримом будущем русской этнос останется самым большим народом России. Невозможно построить прочную демократическую власть, которая бы игнорировала интересы большинства и опиралась только на различные меньшинства. Но и игнорирование интересов других этносов невозможно и даже преступно.

В-третьих, в России проживают представители народов, не являющихся «коренными» в юридическом смысле, но де-факто и де-юре являющимися нашими согражданами; речь об украинцах, белорусах, армянах, азербайджанцах, узбеках, таджиках и других народах

бывшего СССР, а также выходцах из стран Азии и Африки, которые по разным причинам давно или недавно выбрали Россию страной своего проживания. Должны ли все они автоматически быть приписаны к русскому большинству или у них должны быть права, схожие с правами коренных народов России? В каком положении окажутся представители тех народов, чьи родные регионы покинут Российскую Федерацию? Ответ на этот важный вопрос придется давать политикам новой России.

В-четвертых, унаследованная от советской власти система национально-территориального деления проблематична сама по себе. Почему, например, карачаевцы объединены в одну автономию с черкесами, а кабардинцы – с балкарцами? Почему буряты оказались в разных регионах? Как быть с народами, которые живут не только в регионах, где они титульный этнос, но и в регионах, где они – меньшинство? Наконец, как возможно сохранение культур и языков народов России в условиях нарастающей урбанизации, когда представители разных этносов живут совместно и вдали от мест своего изначального расселения?

Можно ли решить эти проблемы так, чтобы если не все, то большинство людей оказались довольны? Готовых ответов у нас нет, но мы видим несколько принципов построения нового государства и его этнокультурной политики, которые должны помочь решить эти проблемы.

Во-первых, это безусловный приоритет прав и свобод каждого конкретного человека и неотчуждаемость его достоинства. Интересы государства, всех граждан России, ее этносов и регионов не могут реализовываться и обеспечиваться в ущерб правам и свободам человека. Никто не может быть унижаем и подавляем из-за своего происхождения, языка или культуры на всей территории России, это должна быть максима российской политики будущего. Все органы власти должны быть обязаны в любом конфликте встать на защиту прав человека.

Во-вторых, это демократия. Вопреки распространенным предрассудкам, демократия – это не только и не столько выборы, сколько возможность гражданина влиять на управление государством и быть представленными в его структурах. Помимо выборов в органы власти, гражданин может участвовать в работе партий, ассоциаций, инициатив, привлекаться в качестве присяжного через жребий, свободно получать и распространять информацию, иметь возможность протестовать и добиваться справедливости через суды. Все сказанное выше касается и этнонациональной политики: она не должна сводиться к тому, что на какой-то территории существует регион с упоминанием этноса в названии, которым руководит представитель титульного этноса. Люди должны иметь возможность создавать этнические общественные организации, политические партии и медиа в местах своего реального проживания, а не доверять судьбу своего языка и культуры руководству одного, зачастую очень далекого от них географически региона.

В-третьих, это федерализм и местное самоуправление. Мы предлагаем понимать оба эти термина расширенно. С одной стороны, передача значительных прав, полномочий и ресурсов местному самоуправлению может сделать именно муниципалитеты основой новой этнокультурной политики. В рамках любого региона России любой муниципалитет должен иметь право принять решение о том, что он имеет в своем составе определенный этнокультурный

компонент и в вопросах образования, языка, культуры и молодежной политики будет ориентироваться на одно из существующих в России этнокультурных сообществ. Обращаем внимание, что вопрос официального использования языка должен быть отдан на усмотрение муниципалитетов, что с одной стороны укрепит позиции языков народов России в местах их реального проживания, а с другой – сделает невозможным произвол на уровне регионов, когда язык одного из местных этносов, пусть и доминирующего, навязывается поселениям, где компактно живут представители других этносов. При этом если какой-то этнос и его язык преобладают в регионе, что следует из решений муниципальных органов, то на региональном уровне этот язык может быть объявлен официальным – но никак не наоборот.

С другой стороны, вопросы этнокультурной политики должны быть переданы на новый уровень федеративных отношений – уровень упомянутых выше этнокультурных сообществ. Хотим сразу отметить, что такие сообщества, их права и обязанности, а также гарантированное получение финансирования для осуществления их деятельности должны быть прописаны в Конституции России: это не будут нищие и бесправные общественные организации, которые любой чиновник может игнорировать. Более того, представители этнокультурных сообществ должны формировать третью палату федерального парламента – вдобавок к представительству граждан и регионов.

Интересен в этом смысле опыт Бельгии, где помимо территориального деления на регионы и провинции существует схема деления на этноязыковые сообщества, каждое из которых (франкоязычное сообщество, фламандское сообщество и немецкое сообщество) имеют свой собственный парламент и исполнительные органы, ведающие вопросами образования, культуры, медиа и молодежной политики.

В России и масштаб другой, и ситуация сложнее, но идея вынести вопросы сохранения языков и культур на надрегиональный уровень кажется нам перспективной. Как это может выглядеть на практике? Рассмотрим на примере татарского этноса. С одной стороны, существует Республика Татарстан как субъект федерации. При этом татары живут не только в Татарстане. Это означает, что многие татары не имеют никакого политического представительства, так как не участвуют в выборах органов власти региона, в котором не живут. С другой стороны, Татарстан – многонациональный регион, где живут не только татары, но и другие народы. Все они избирают парламент Татарстана, который прежде всего является парламентом политэтнического региона, а не парламентом татарского этноса. Таким образом, единственный конституционно значимый орган, как бы представляющий татар, – это парламент Татарстана, который, как уже было сказано, не может представлять всех татар всей России.

Возможное решение – создание представительных органов татарского этнокультурного сообщества, в дополнение к парламенту Татарстана представляющих всех татар, проживающих на территории России. Парламент такого сообщества мог бы формироваться из депутатов татарских муниципалитетов, татарских депутатов парламента Республики Татарстан, выбранных делегатов от ассоциаций в остальных регионах России. Таким образом, политическое представительство и возможность участвовать в выработке этнокультурной политики получают

не только татары, живущие в Татарстане, но и все татары России. При этом никакого изменения границ регионов не потребуется. По аналогичной схеме могли бы формироваться парламенты этнокультурных сообществ и других этносов.

Безусловно, появление нового этажа федерализма усложняет систему демократии и власти. То, что помимо палаты напрямую избираемых населением депутатов и палаты регионов появится еще и палата народов России, внесет в политическую жизнь страны много нового. Но в условиях современной России привязка этносов к одним только административным регионам не обеспечивает их реального представительства и, по сути, отдает вопросы языка и культуры в ведение региональной бюрократии, которая в первую очередь должна заниматься вопросами экономики, инфраструктуры, социальной политикой и пр.

Искоренение коррупции как явления в новом российском государстве

Многие, начиная с Алексея Навального и его коллег по Фонду борьбы с коррупцией, справедливо отмечают, что всепроникающая коррупция стала причиной огромного количества проблем нашей страны. Одной из причин захвата власти и лишения россиян прав и свобод стало безудержное желание правящей группировки обогащаться за счет коррупции. Одной из причин агрессивной внешней политики (не единственной, но важной) – желание подмять под себя ресурсы соседних стран и извлекать из этого выгоду (Анатолий Чубайс в свое время имел глупость открыто сформулировать это, озвучив идею строительства «либеральной империи» через захват стратегических экономических активов соседних государств).

Существует множество подробно описанных рецептов, как победить коррупцию, а также большой опыт развитых стран с низким уровнем коррупции, которым это удалось, несмотря на все трудности. Среди важных рецептов в этой сфере:

- Резкое уменьшение роли государства в экономике и перераспределении богатств. С уменьшением доли госсектора в ВВП до 30% и ниже, демонополизацией экономики и исчезновением крупных госмонополий (см. следующий раздел «Что будет с экономикой?») сами возможности чиновников и госменеджеров воровать резко сократятся.
- Радикальная прозрачность госуправления. Все действия и расходы органов власти должны быть подотчетны парламентскому и общественному контролю. Декларироваться должно ВСЕ, декларации о доходах и имуществе чиновников и госменеджеров должны быть доступны всем, сокрытие – запрещено. Антикоррупционные НКО должны быть допущены к аудиту госведомств наравне со Счетной палатой и другими проверяющими органами.
- Необходим постоянный контроль за богатством и образом жизни чиновников и госменеджеров. Отклонение их стандартов жизни от уровня, вписывающегося в размер их

официальных доходов, должно немедленно становиться поводом для публичной проверки. Это же должно распространяться на их родственников и аффилированных с ними лиц.

- Должны быть приняты законы о лоббизме и конфликтах интересов, вводящие лоббирование в цивилизованные прозрачные рамки и запрещающие принятие решений лицами, имеющими в них экономическую заинтересованность (в том числе через родственников и аффилированных лиц).
- В обществе должна быть сформирована атмосфера нулевой толерантности к коррупции. Журналисты должны поощряться государством – в том числе финансово – за успешные антикоррупционные расследования, приведшие к реальным приговорам. Быть родственником чиновника-вора должно стать постыдным, а не престижным делом; обществу нужно разъяснять, что коррупционеры являются не «хозяевами жизни» и «эталоном успеха», а людьми, бесстыдно обкрадывающими окружающих.

Мы можем долго перечислять другие необходимые меры по борьбе с коррупцией, однако выше были названы самые основные, системные вещи, без которых строительство честной демократической власти попросту не сможет обойтись.

Что будет с экономикой?

Вопреки распространенным представлениям, экономические реформы в России не будут представлять каких-либо сложностей при наличии политической воли. Потенциал роста российской экономики огромен: согласно глобальным рейтингам конкурентоспособности Всемирного экономического форума, Россия вполне привлекательна для инвесторов по таким параметрам, как размер рынка и качество рабочей силы, развитие сдерживается лишь низким качеством институтов, полицейско-бюрократическим давлением на экономику, фаворитизмом чиновников. Сегодня нет примера столь крупной экономики, которая была бы закрыта для инвесторов и при этом настолько потенциально привлекательной. Окончание войны, примирение с Украиной и цивилизованным миром, уход с оккупированных территорий Украины, снятие государственного прессинга с экономики могут вызвать беспрецедентный приток капитала, который станет основой для будущего экономического рывка.

Нечто подобное уже происходило в начале 2000-х, когда правительство Касьянова осуществляло довольно успешные по историческим меркам экономические реформы; однако тогда сработали ограничители в виде резкого разворота в сторону бюрократического контроля над экономикой. При другой экономической модели, построенной на частной инициативе и минимальном вмешательстве государства, темпы экономического роста могут приобрести взрывной характер.

Выплата послевоенных репараций Украине при правильном подходе к этому вопросу также не станет ограничителем для экономического развития. Существует ряд способов в

полной мере выплатить Украине причитающиеся репарации, не создав при этом избыточных обременений для российской экономики; разрушительный потенциал вопроса о репарациях хорошо известен на примере Веймарской Германии 1920-х годов, и повторять этот опыт не стоит.

Во-первых, можно ввести норму обязательных отчислений от основных статей российского экспорта, которые пойдут напрямую в международные фонды по восстановлению Украины – такой вариант предлагает Алексей Навальный. Во-вторых, следует предпринять меры по розыску и конфискации выведенных в прежние годы активов путинской олигархии – по ряду оценок, их общий размер превышает 1 триллион долларов, что будет сопоставимо с размером репараций Украине. Эти деньги уже давно выведены из экономики, и российское общество в целом воспринимает их как безвозвратно утраченные. Между тем они могут оказаться незаменимыми для финансирования восстановления Украины. Утрата этих капиталов будет компенсироваться притоком инвестиций в Россию после примирения с Украиной.

России не следует упорствовать в вопросе выплаты репараций – стоит сразу согласиться выплатить Украине все необходимые суммы для восстановления страны. Это наш безусловный моральный долг, деньги для этого есть, а споры по этому вопросу затруднят нормализацию отношений с внешним миром, в том числе затормозят приток инвестиций: мы потеряем больше.

Политические реформы и примирение с демократическими странами будут играть ключевую роль в превращении России в экономически успешную страну; без этого привлечение инвесторов будет невозможным. Важнейшими условиями для привлечения капитала в страну станут политические: снятие санкций, создание «компактного государства», не вмешивающегося в деятельность рынков, формирование подлинного разделения властей (включая прежде всего независимую судебную систему).

Однако и экономические реформы будут необходимы. Прежде всего речь идет о масштабном снятии регуляторного бремени с рынков, о демополизации экономики и появлении конкурентных рынков вместо крупных монополий, контролирующих целые секторы. Например, в США, которые давно обогнали Россию по объемам добычи нефти и газа (не говоря уже о технологическом превосходстве в этой сфере), нет никаких «Роснефти» и «Газпрома»: крупнейшие производители нефти и газа добывают по 3-4% от общенациональных объемов добычи, такой силы там конкуренция.

В банковском секторе сегодня 68% активов контролируется пятью крупнейшими госбанками (в 2007 году это было 40%), из которых 63% – четыре госбанками; в целом доля 20 крупнейших прямо или косвенно контролируемых государством и госструктурами банков в активах банковской системы составляет 76%. Между тем в банковской сфере возможна высокая конкуренция, и государства (и тем более монополий) там быть не должно. Демополизация одной лишь банковской системы может стать мощным драйвером экономического роста, удешевив кредиты и банковские услуги – в противоположность сегодняшнему дню, когда банковская олигополия зарабатывает рекордные прибыли на слабой экономике через сверхдорогие кредиты и комиссионные.

Демонополизация экономики поможет стране избавиться от олигархии. Сегодняшняя неприличная концентрация богатства в руках узкого круга лиц – во многом следствие монопольной структуры российской экономики. Даже после путинского полномасштабного вторжения в Украину и «похудения» олигархических состояний 7 россиян все еще входят в первую сотню самых богатых людей мира по версии Forbes, и 23 – в число 500 богатейших людей мира⁴. В отличие от России, в Южной Корее, у которой примерно такой же размер ВВП, нет ни одного (!) миллиардера в списке 100 богатейших людей мира, и лишь трое – в списке 500. У другой сопоставимой экономики, Италии, только 1 человек в списке 100 богатейших людей мира, 8 – в списке 500; у Испании – 1 и 2 соответственно. Еще одна сопоставимая с Россией страна – Польша: ее экономика хотя и меньше, однако входит в число 25 крупнейших экономик мира, а кроме того, Польша проходила очень похожую на российскую посткоммунистическую трансформацию. И здесь нет олигархии: 0 человек в списке 100 богатейших людей мира, и всего 1 – в списке 500.

Причина олигархизации России – высокая степень монополизации экономики, низкая конкуренция и фаворитизм чиновников. Вся эта порочная система будет разрушена, Россия будет открыта для конкуренции, а связка между чиновниками и бизнесом законодательно запрещена; здесь будет создан непробиваемый файервол.

В результате выхода государства из экономики доля частного сектора в ВВП вырастет с сегодняшних 30-50% (существуют разные оценки) до более чем 70%, а доля инвестиций в основной капитал в ВВП – до 25-30% ВВП (подобная задача ставилась в начале 2000-х годов, но так и не была выполнена, этот показатель в последние годы не превышал 17-19% ВВП; такого объема инвестиций было недостаточно для заметного роста экономики).

Многие годы ведутся разговоры о снятии избыточного регуляторного бремени с бизнеса. Вот что здесь предлагается конкретно. Первое: нужно освободить малые предприятия (скажем, с выручкой до миллиарда рублей; эта цифра обсуждаема) от всех налогов, кроме самого простого. Малым предпринимателям нужно разрешить сводить все налоговые платежи к уплате НДФЛ по виду деятельности «Доход от малоформатной предпринимательской деятельности» по стандартной ставке, причем запретить налоговые проверки малого бизнеса в случае, если в бюджет уплачена определенная минимальная доля от годовой выручки, например 5% (т.е. это будет считаться достаточным). Опасения ухода от налогов в этом плане беспочвенны, потому что современные технологии позволяют отслеживать реальные цепочки хозяйственных отношений, и притворные схемы «разбиения» крупного бизнеса на множество фиктивных «малых» предприятий будут легко отслеживаться. Система налогового администрирования при этом должна перейти от постсоветских формалистских принципов на принципы отслеживания реального экономического смысла сделок – это усложнит и обесмыслит схемы ухода от налогов.

Второе: следует вообще ликвидировать возможность давления на бизнес путем проведения проверок регуляторными органами. Проверки будут запрещены, кроме как по решению

4 Forbes, The Real-Time Billionaires List.

суда при наличии серьезных оснований подозревать нарушение закона. Если регулирующие органы захотят проверить деятельность бизнеса, они обязаны будут договариваться с предпринимателями об удобных для них формах и времени ознакомления с документацией, помещениями и т.д. – без возможности нагреть без предупреждения и парализовать деятельность предпринимателей, вымогая взятки. Будет создана общенациональная «горячая линия» по предотвращению административного произвола в отношении бизнеса, которая будет функционировать независимо от соответствующих регуляторных органов и будет передавать полученные сигналы в антикоррупционные органы для проверки.

Напомним, что сегодня в России действует 6 (шесть!) отдельных налогов на малый бизнес, совокупные сборы по которым ничтожны и приносят в бюджет менее 0,5% ВВП, однако все это требует громоздкой системы администрирования и проверок. Все это нужно отменять, это совершенно не стоит свеч.

Все эти меры позволят, например, сократить резко раздутый штат налоговиков в России, численность которых сегодня превышает 150 тысяч человек – вдвое больше, чем у налоговой службы США Internal Revenue Service, которая администрирует примерно вшестеро большие налоговые доходы (разница в производительности труда – 12 раз). Сотрудники ФНС в основном занимаются изнурительными и ненужными налоговыми проверками, в то время как контроль за сделками может быть автоматизирован. По факту огромный штат проверяющих занимается вымогательством взяток.

Другой пример такого рода – таможенная служба, которая насчитывает до 50 тысяч сотрудников и является мощным рычагом вымогательства взяток и усложнения жизни предпринимателям. По данным Global Competitiveness Report Всемирного экономического форума, Россия находится на 100 месте и ниже по таким позициям, как усложненность таможенного тарифа, преобладание нетарифных барьеров или эффективность таможенного оформления. Неэффективность и коррупциогенность таможенной службы является мощным препятствием для развития экономики, инвестиций, выхода на экспортные рынки.

Таможенную службу следует попросту упразднить. НДС на импортные товары вполне может администрироваться стандартной налоговой службой (при фиксации ввоза товаров погранслужбой и автоматическом отслеживании дальнейших цепочек поставки) – это примерно половина сегодняшних поступлений, администрируемых таможенниками. Другая половина – экспортные пошлины на сырьевые товары, которые вообще должны быть отменены и перенесены в налоги, взимаемые «на скважине». Импортные пошлины (примерно 10% таможенных сборов) постепенно будут отменяться по мере открытия рынков, администрировать их также может налоговая служба.

Это лишь пара примеров существующих ниш для резкого снижения административного давления на бизнес; реальных идей в этом плане гораздо больше, мы не хотели перегружать ими данный текст.

Ключевым условием для успешного развития России будет открытие рынков развитых стран для российских экспортных товаров. Сегодня Россия экспортирует в основном сырье или

товары с низкой добавленной стоимостью. Для того, чтобы в России развивалось производство высокотехнологичных несырьевых товаров с высокой добавленной стоимостью, нам нужен выход на внешние рынки: размеров внутреннего рынка будет недостаточно для того, чтобы обеспечить сбыт продукции этих новых производств. Но сегодня внешние рынки для России закрыты – и из-за санкций, и из-за неучастия путинской России в соглашениях о свободе торговли с развитыми странами.

Мы добьемся открытия западных рынков для современных российских товаров. Отсутствие прогресса в этом направлении в 1990-е было большой ошибкой стран Запада и плохо сказалось в числе прочих факторов на экономической ситуации в России. Необходимость доступа будущей демократической России на рынки развитых стран понимают на Западе: о необходимости этого, в частности, мы недавно подробно говорили в совместном докладе о будущих отношениях России и Евросоюза с рядом известных европейских политиков и экспертов⁵.

Открытие рынков может оформляться региональными соглашениями о свободе торговли с Евросоюзом и другими крупными международными игроками, причем туда могут вноситься важные положения о правах человека (*human rights clauses in trade agreements*): режим свободы торговли может приостанавливаться в случае ухудшения ситуации с правами человека в стране-участнице соглашения. Это может создать барьер на пути возможной реставрации автократии в России – в этом случае страна потеряет доступ к рынкам.

Огромные возможности сегодня предоставляет зеленая энергетическая революция. По оценкам Международного энергетического агентства, к 2050 году рынок оборудования и технологий для зеленой энергетики существенно превысит 1 триллион долларов в год, что эквивалентно сегодняшнему рынку нефти⁶. Россия может и должна выйти на этот рынок: мы располагаем для этого производственным опытом и квалифицированными кадрами. Сегодня мировые масштабы развития отрасли зеленой энергетики поражают воображение: она достигла уже доли в 8% в мировом потреблении первичных энергоресурсов (для сравнения, атомная энергетика – вдвое меньше, 4%), ежегодно в мире вводится больше мощностей новых солнечных и ветряных электростанций, чем вся энергосистема России.

Зеленая энергетика играет совершенно иную социально-экономическую роль, чем углеводородная: она не генерирует такого масштаба ренты и сверхприбыли (которые становятся источником коррупции и административного контроля над обществом), вместо этого наибольшая часть добавленной стоимости здесь идет на зарплаты, оплату квалифицированного труда. Выход на мировой рынок оборудования и технологий для зеленой энергетики позволит России создать 5-7 миллионов высокооплачиваемых рабочих мест; для сравнения, нынешней добывающей промышленности рабочие места особо не нужны, здесь заняты всего лишь 1,7

5 Andrius Kubilius, Vladimir Milov, Roland Freudenstein, Sergei Guriev, *The EU's Relations With a Future Democratic Russia: A Strategy*, Wilfried Martens Centre for European Studies, 2022, <https://www.martenscentre.eu/publication/the-eus-relations-with-a-future-democratic-russia-a-strategy/>

6 Net-zero goals create trillion-dollar opportunities, IEA says, Nikkei, <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Environment/Climate-Change/Net-zero-goals-create-trillion-dollar-opportunities-IEA-says>

миллионов человек.

Участие в мировом зеленом энергопереходе позволит России наконец осуществить давно обсуждаемый и желанный уход от сырьевой зависимости. Энергетические санкции Запада в этом плане для нас, как ни парадоксально, настоящий подарок: нам не нужно будет преодолевать невероятные сложности, чтобы вернуться на западные энергетические рынки и потом снова сформировать нефтегазовую ренту, подпитывающую олигархов и централизованную власть. Вместо этого можно сразу сосредоточить усилия на выходе на «зеленые» рынки, где не будет ни ренты, ни олигархии, а вместо этого будет много высокооплачиваемых квалифицированных рабочих мест. Уход от углеводородной зависимости и активное участие в зеленом энергопереходе создадут в России совершенно новые социально-экономические и политические условия: больше социального равенства, меньше олигархии и концентрации богатства.

Другой перспективный сектор экономики – сельское хозяйство. В российском аграрном секторе огромный неиспользованный потенциал в плане незадействованных сельхозземель (площадь неиспользуемых сельхозземель в России оценивается почти в 44 млн гектар) – ресурса для резкого повышения производительности. Но конкуренция здесь сдерживается аграрными монополиями, связанными с чиновничеством: это «Мираторг», агрохолдинг Ткачева и т.д. Фермерский сектор задавлен доминированием крупных агромонополий, низкими оптово-закупочными ценами, постоянно растущими издержками на энергоресурсы, удобрения, сельхозтехнику; все это также во многом связано с монопольно-олигархической структурой российской экономики. Плохой инвестиционный климат и нежелание инвесторов вкладываться в отрасли с длительным инвестиционным циклом – прежде всего мясное и молочное животноводство – приводят к постоянному сокращению поголовья скота.

Демонополизация экономики, открытие сельскохозяйственного рынка для конкуренции и частных фермерских хозяйств, снятие административного давления на инвесторов позволят превратить Россию в лидера мировой аграрной индустрии и реализовать огромный неиспользованный потенциал в этой сфере. Договоренность со странами Запада об открытии их рынков для российской агропродукции будет иметь здесь решающее значение – и мы сможем этого добиться.

Есть и другие перспективные сферы, которые при опоре на российские конкурентные преимущества – грамотное население, уникальная территория, – могут создать новые отрасли экономики, позволяющие уйти от примитивной и архаичной сырьевой модели. Например, Россия не входит даже в тридцатку стран по доходам от международного туризма, несмотря на огромные возможности для развития этой сферы – а между тем лидеры в этой области получают доходы в десятки и даже сотни миллиардов (США – свыше 200 миллиардов долларов в год). Но понятно, почему в путинскую Россию никто не едет.

Понятно и то, почему Россия сталкивается с невероятной утечкой мозгов: специалисты российского происхождения играют лидирующие роли в мировом прогрессе в области новых технологий, от IT до космоса, биотехнологий или аддитивных технологий (3D-печать), однако

делают это за рубежом. Полагаем, что не стоит лишний раз повторять, почему путинская Россия является непривлекательной для наиболее конкурентоспособной и профессионально подготовленной части российского общества. А между тем это то самое меньшинство, которое способно обеспечить России быстрый прогресс (но сейчас оно делает это для других стран).

Кардинальное преобразование России в страну для людей вместо сегодняшней страны для чиновников и олигархии, возможно, и не вернет всех этих людей, однако точно поможет затормозить дальнейшую утечку мозгов. Мы надеемся, что с трансформацией будущей России в нормальную, пригодную для жизни страну с работающими законами и отсутствием бюрократического и полицейского прессинга специалисты в области передовых технологий начнут возвращаться в страну. Здесь можно будет не опасаться за свое будущее, а дороговизна жизни будет существенно меньше, чем в США или Западной Европе.

Будущая Россия в мире

Окончательный отказ от любого намека на имперские амбиции и стремления влиять на другие страны должен стать краеугольным камнем будущей российской политики, основой будущей ДНК новой России. Мы должны стать нормальной страной, соблюдающей правила. Нам нужно переосмыслить свою историю и вспомнить, что постоянная агрессивная внешняя экспансия и завоевание чужих земель подавались россиянам авторитарными правителями как «компенсация» за установление полного властного абсолютизма и лишения россиян всех политических и гражданских прав еще с конца XVIII века (когда, кстати, был впервые завоеван Крым и многие земли Украины и других стран – восточных соседей России). Россиянам пора прекратить покупаться на этот трюк и осознать, что имперские амбиции принесли горе, страдания и огромные социально-экономические трудности и нам самим, и окружающим нас народам.

Нам постоянно объясняют, что милитаризм, имперская экспансия и гиперцентрализованное устройство якобы объясняются какими-то территориальными и климатическими особенностями нашей страны, но все это полная чушь. Самая сопоставимая с Россией страна – Канада, которая является второй в мире по территории (около 10 млн квадратных километров), протяженная страна с федеративным устройством, холодным климатом и сырьевой структурой экономики. Тем не менее, Канада ни с кем никогда не воевала и является во многом образцом успешного государства с высоким уровнем жизни населения и развитыми социальными институтами. В Индексе человеческого развития ООН Канада занимает 15 место⁷ с отставанием по индексу лишь менее чем на 3% от первого места. Россия занимает 52 место, уступая Брунею, Кувейту, Катару.

Мы не говорим о том, что нам нужно копировать нашу политико-экономическую систему

7 UN Human Development Index, <https://hdr.undp.org/data-center/country-insights#/ranks>

с Канады (хотя там многое можно позаимствовать). Речь о том, что есть пример чрезвычайно сопоставимой с нами страны, которая выбрала путь мирного развития и концентрацию на благосостоянии собственных граждан, мирное сосуществование с другими странами Запада, и в итоге выиграла – в то время как в России четверть населения до сих пор лишена доступа к горячей воде и канализации, а состояние наших больниц мы хорошо видели во время пандемии COVID-19. Такая разруха в России – во многом цена империализма и пагубных идей «влиятельности в мире любой ценой». Нам нужно концентрироваться на прогрессе страны и уровне жизни собственных граждан, а не на химерах имперской экспансии и милитаризма.

Можно ли восстановить международное доверие к России после всего, что натворил Путин?

Это будет непросто, но это возможно. Сегодня за рубежом идет очень много дискуссий о том, возможно ли демократическое будущее России, и в мире (в том числе и в Украине) есть много политиков и экспертов, которые готовы всерьез обсуждать такую перспективу и дать нашей стране реинтегрироваться в цивилизованный мир; более того, многие не видят никаких других вариантов развития событий, потому что изолированная авторитарная Россия, скорее всего, никогда не откажется от имперских поползновений, будет копить силы и нападать на окружающих снова и снова. Однако России придется предпринять титанические усилия, чтобы вернуть доверие к себе. Проблема в том, что нашей стране уже предоставили огромный кредит доверия в конце 1980-х, в 1990-е и в начале 2000-х – и Путин фантастически разбазарил его, сделав колоссальную подачу международным скептикам в отношении России, которые получили возможность утверждать, что агрессивное имперство – единственное естественное состояние нашей страны, а предоставленный шанс для перехода к демократии и мирного сосуществования с Западом Россия использовала лишь для обмана и накопления сил для нового имперского удара.

Чтобы доказать обратное, нашей стране придется сильно постараться. Тут недостаточно будет простых обьятий, обещаний и подписания меморандумов, как это вышло у Горбачева и Ельцина. Мы должны будем показать, что вся наша система изменилась настолько, что нам теперь можно доверять; косметических перемен будет недостаточно. И, разумеется, нам придется начать с искупления своей вины перед Украиной – прежде всего выдачи военных преступников для международного трибунала и выплаты Украине необходимых репараций за нанесенный ей ущерб.

Вопрос о репарациях вызывает сегодня бурные дискуссии среди россиян. Понятно, что граждане страны с и без того невысоким уровнем жизни не в восторге от идеи платить дополнительные деньги. Однако выплата репараций и компенсация ущерба Украине, во-первых, жизненно необходима с точки зрения обеспечения будущего морального здоровья нации. Помните распространенную идею о том, что россияне должны сами из своего кармана (а не через бухгалтерию) платить все свои налоги государству, чтобы почувствовать весь груз обязательств, которое государство в ответ должно нести перед гражданами? Точно так же и тут: россияне не прочувствуют весь масштаб ущерба от политики империализма, пока страна не ответит за ее последствия рублем. Более того, бесчеловечно и аморально просто взирать

на причиненные Россией страдания соседнего народа, отказываясь их компенсировать за наш счет. Моральное оздоровление России без этого будет невозможно.

Далее, как было описано выше в экономической части нашего доклада, существуют способы выплаты репараций, которые не станут чрезмерным обременением для населения и экономики (отчисление части экспортных доходов, арест активов, уже выведенных ранее за рубеж и фактически давно не работающих на Россию). Однако вопрос репараций будет центральным для нормализации отношений России со свободным миром, и новые власти России должны будут быстро договориться о фиксации окончательной суммы подтвержденного ущерба и закрепить ее международными соглашениями.

Россия должна раз и навсегда продекларировать: мы отказываемся от любых попыток навязать своим странам-соседям (и кому бы то ни было еще) свои представления о том, с кем и каким образом им строить связи, как выстраивать свою внутреннюю и внешнюю политику. Эта идея должна стать табуированной и преступной. Россия должна принять меры по роспуску всевозможных громоздких бюрократических и военных организаций (ЕврАзЭС, ОДКБ, «союзное государство» с режимом Лукашенко, даже СНГ), которые по факту были призваны сохранять доминирование над странами-соседями. Мы не должны смотреть на евроинтеграцию и стремление наших стран-соседей вступить в НАТО или ЕС как на угрозу. Расширение НАТО не привело к размещению на территории новых стран-членов никаких ракетных вооружений или ударных группировок – нам надо четко говорить об этом. Россия должна сотрудничать с НАТО на принципах Римской декларации 2002 года (подписанной еще Путиным!) или в духе содействия операции НАТО против талибов в Афганистане, как это было в прошлом.

Сотрудничество с НАТО по вопросам совместного обеспечения глобальной безопасности – единственный вариант обезопасить Россию от потенциальной угрозы с Востока. Путин фактически превратил нашу страну в глубоко зависимого вассала коммунистической партии Китая; еще недолгое время такой политики, и Китай станет до такой степени контролировать нашу внутреннюю и внешнюю политику, что военный захват России китайской армией станет просто не нужен. Учитывая колоссальную демографическую разницу, соревноваться с Китаем с точки зрения мобилизационных возможностей армии и способности поставить людей под ружье не приходится: мобилизационный потенциал китайской армии составляет 130-140 млн человек. Без помощи Запада и НАТО мы не защищены от потенциальных угроз с этой стороны.

Нужно ли России стремиться в НАТО и ЕС? Хотя это наиболее естественные ценностные и географические партнеры нашей страны, тем не менее, территория России столь велика, что наше вступление нарушило бы внутреннюю логику формирования этих региональных альянсов. Владивосток – не Европа и не часть евроатлантического пространства. Однако непосредственное вступление нам и не нужно: мы вполне можем выстроить единое правовое, оборонное и экономическое пространство путем отдельных соглашений об открытии рынков, свободе перемещения, оборонном сотрудничестве. Так поступают, например, такие страны, как Япония или Южная Корея.

Помимо урегулирования вопросов примирения с Украиной, России будет необходимо:

- полностью признать суверенитет наших стран-соседей в международно признанных границах 1991 года, вернуть все оккупированные территории (включая Крым, Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье, территории Юга и Востока Украины);
- принять основополагающие законодательные гарантии (в том числе инкорпорированные в новую Конституцию) об отказе от имперской политики и действий по понуждению других государств к проведению той или иной внутренней и внешней политики, диктуемой из Москвы;
- провести демилитаризацию и формирование компактных Сил самообороны, отказаться от милитаристских традиций армий прошлого; в том числе необходима и демилитаризация сознания, систем образования и общественной жизни.

Предлагаемая децентрализация нашей страны сама по себе создаст условия, когда любые агрессивные поползновения будут сдерживаться разветвленными институтами. Такой ситуации, когда неменяемый и потерявший связь с реальностью правитель сможет отдать приказ напасть на кого бы то ни было, больше не будет: значительное число институтов и сдержек смогут остановить любые такие поползновения.

России необходимо будет инкорпорировать базовые положения международных договоров и документов о правах человека в свою Конституцию, чтобы больше не возникало двусмысленностей по поводу соответствия международных обязательств внутренним законам. Нужно помнить, что узурпация власти внутри страны прямо открывает дорогу внешней агрессии – в том числе как способу контролировать собственное население «по законам военного времени».

Соглашения с демократическими странами о свободе торговли и инвестиций должны содержать обязательства в области прав человека и уважения суверенитета других народов, *human rights and non-aggression clauses*. В случае возврата к диктатуре и агрессивной внешней политике рынки перед страной (мы об этом уже упоминали) будут немедленно закрыты, а санкционная стена – восстановлена. Это следует хорошо понимать.

В отношении Китая и других недемократических режимов, ставших союзниками Путина в последние годы, политика должна быть следующей. Мы должны четко сформулировать: мы ничего не имеем против народов этих стран, которые, как и мы сегодня, против своей воли оказались под гнетом диктатур, которые они не выбирали. Мы знаем, что народы Китая, Ирана и других диктаторских стран на самом деле хотят свободы. Мы всячески сочувствуем их стремлению к свободе, демократии, нормальным отношениям со внешним миром без блокад и санкций. Мы поддерживаем эти стремления. Вместе с тем, недемократические режимы несут угрозу миру, цивилизации и другим народам – от Украины до Израиля и от Тайваня до Южной Кореи. Общие усилия свободного мира по демократизации диктаторских обществ смогут принести планете стабильность и избавление от угроз и конфликтов. Россия должна внести в свои основополагающие законодательные акты положения о запрете любого субсидирования и поддержки недемократических режимов.

Нам следует также инициировать глобальный пересмотр заключенных в годы правления Путина невыгодных кабальных соглашений с Китаем и другими недемократическими режимами, несущих России убытки и экономические потери.

Примут ли россияне резкий разворот во внешней политике? Во-первых, для этого нет никаких препятствий. На первом президентском сроке Путина 70% россиян положительно относились к США, почти 60% хотели вступления в ЕС, более 60% одобряли Римскую декларацию о сотрудничестве с НАТО⁸, когда Путин договорился с Североатлантическим альянсом о строительстве «единого пространства безопасности от Ванкувера до Владивостока». Все это изменилось в основном под влиянием пропаганды. Во-вторых, россияне вскоре убедятся, что жить со всеми в мире на основе демократического порядка – это выгодно, это создает стабильность, новые экономические возможности, обеспечивает повышение уровня жизни. Химера империализма, приносившая нашему народу столько лишений и страданий, окажется в прошлом. Россияне вспомнят, что они – европейская нация, которая могла получить Конституцию, парламент, права и свободы еще 200 лет назад (за что боролись поколения наших предшественников), но пошла по неверному пути, отличавшемуся от магистрального пути развития европейской цивилизации. Время вернуться в европейскую семью народов.

Роль эмиграции в будущем России

Рассуждая о будущем России, мы не можем обойти стороной вопрос о будущем эмиграции, то есть о тех сотнях тысяч людей, которые покинули путинскую Россию после начала репрессивной кампании 2020-2021 года и преступной войны против Украины. Среди них практически все активисты оппозиционных партий и движений, региональные и экологические активисты, журналисты, правозащитники, ученые и деятели искусств. Сохраняют ли они влияние на общество в России сейчас и смогут ли оказать влияние на него в будущем? Какова может быть их роль в переходе от путинской или постпутинской диктатуры к демократии?

Здесь нельзя не вспомнить, что во времена холодной войны Запад тратил существенные ресурсы не только на поддержку антисоветской оппозиции и эмиграции, но и на создание с нуля целой системы вещания на СССР, чтобы донести до населения альтернативную точку зрения. Каждый акт недовольства советской властью, каждое заявление, арест или голодовка становились информационным поводом. Никто не говорил, что советские граждане не протестуют против коммунистической диктатуры из-за генетической неполноценности или потому, что все с ней согласны. И уж тем более никто не предлагал анализ итогов советских выборов как способ получения представления о реальном уровне поддержки диктатуры КПСС.

При этом реальное воздействие тогдашних диссидентских и эмигрантских групп на

8 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennye-nastroeniya-v-mae-2002-goda>

общественное мнение в СССР было ничтожно малым, даже усиленное западными голосами. Тем не менее, первая же попытка советской власти начать реформы в середине 1980 годов мгновенно открыла окно возможностей, и маргинальная еще вчера антисоветская позиция стала позицией активной части общества. Демократическая, прозападная политическая позиция на несколько лет стала доминирующей в России, и только ошибки «реформаторов» 90-х заставили значительную часть граждан России отвернуться от прозападного курса и его сторонников.

Сегодняшняя российская оппозиция – это не горстка диссидентов, хотя некоторым и хочется равняться на них. Многие из нас, из тех, кто сегодня оказался в политической эмиграции, прошли в России большую школу публичной политики: вполне успешно участвовали в выборах и даже побеждали на них, проводили общенациональные политические кампании, устраивали массовые акции протеста, занимались легальной правозащитной, просветительской и экологической работой. Поэтому мы со всей ответственностью заявляем: наш опыт несравним с опытом советских диссидентов, которые с самого начала были обречены существовать в глубоком подполье и изоляции от общества, а во многих случаях и сознательно противопоставляли себя лояльному советской власти большинству.

Здесь, как нам кажется, кроются корни многих предрассудков. Та часть наблюдателей, которая сознательно или по инерции смотрит на современную российскую оппозицию через призму истории диссидентского движения в СССР, вполне резонно ставит вопрос о том, что тратить ресурсы на поддержку маргиналов бессмысленно, а потому лучшее, что можно сделать, – просто позволить российским эмигрантам тихо жить в безопасности, не воспринимая их как реальную силу и не приглашая к экспертному обсуждению настоящего и будущего России.

Этим людям хочется сказать: вы правы в одном – нет никакого смысла помогать и слушать тех, кто с удовольствием сам себя объявляет маргиналами, противопоставляет населению России, прокликает и обзывает всех без разбора граждан России, огульно объявляет их пособниками Путина, пропагандирует радикальные идеи, вызывающие вполне объяснимое отторжение не только у живущих в России, но и у значительной части эмиграции. Эти люди сами себя загоняют в положение самых маргинальных советских диссидентов и безусловно повторяют их путь: даже если окно возможностей в России откроется в обозримой перспективе, они останутся на обочине политических преобразований, никогда никуда не изберутся и ни на что не будут влиять.

Современная российская политическая эмиграция, во всяком случае та ее часть, которая занималась политической и общественной деятельностью в России с начала 2000-х и вплоть до своего отъезда, – это реальные лидеры будущего, способные повести за собой миллионы, если на это будет хоть какой-то шанс и представится возможность вернуться в Россию. Об этом говорит и совокупная аудитория оппозиционных медиа, работающих на российскую аудиторию, и данные всевозможных опросов, проводимых до войны и перехода путинизма в репрессивную стадию, то есть до второй половины 2020 года.

2020 год для понимания ситуации внутри России даже важнее, чем 2022-й, потому что именно тогда возрастающее давление оппозиции на власть, особенно на фоне начавшихся в Беларуси массовых протестов, напугало Путина настолько, что он отдал приказ убить Алексея Навального и еще целый ряд видных деятелей оппозиции, а когда это обернулось международным скандалом – махнул рукой на любые нормы и приличия и еще до начала полномасштабной агрессии против Украины уничтожил все сколько-нибудь значимые оппозиционные структуры в России.

Возможно, уже в 2020-2021 годах все это делалось с прицелом на планируемую агрессивную войну против Украины. То, что с ее началом в России не возникло никакого мощного антивоенного движения, связано не с непопулярностью антивоенной позиции, а с тем, что к началу войны в России и на свободе практически не осталось ни лидеров, ни опытных организаторов массовых протестов.

Отдельно хочется обратить внимание на работу с населением России через медиа. Несмотря на то, что западные правительства выделяют огромные бюджеты своим официальным вещателям на русском языке, качество производимой ими продукции и масштаб ее влияния на российское общество очень часто уступает тому, что делают оппозиционные вещатели, работающие в эмиграции. Безусловно, и к качеству производимой эмигрантами медиaproдукции есть множество вопросов, но вполне очевидно, что она благодаря своему разнообразию и личной вовлеченности авторов доходит до граждан России лучше продукции иностранного вещания на русском языке. Легко заметить, что популярными становятся прежде всего те материалы западных вещателей на русском языке, к созданию которых привлекаются лидеры эмигрантского вещания или оппозиционные комментаторы, которые приводят свою аудиторию.

По нашим оценкам, общий охват независимых оппозиционных эмигрантских общественно-политических социальных медиа и блогов среди российской аудитории достигает 30-35 млн уникальных пользователей в месяц, из которых 10-15 млн – относительно постоянная аудитория. Это не маленькие и не маргинальные цифры. Более того, это ответ на вопрос, как можно будет быстро и качественно изменить настроения в России: из эмиграции вернутся лидеры общественного мнения и целые редакции журналистов, умеющих работать по-новому и разделяющих базовые ценности европейской цивилизации.

Современная российская эмиграция – это не только и не столько несколько сот или даже тысяч заметных политических активистов, журналистов и правозащитников. Это сотни тысяч людей, большей частью молодых, образованных и активных. Значительная часть из них покинула Россию не из-за непосредственной угрозы репрессий или мобилизации, а по причинам глубоко внутреннего неприятия происходящих там сейчас процессов и прежде всего – развязанной путинским режимом войны против Украины. Все эти люди, рассеянные по Европейскому Союзу, Северной и Южной Америке, Балканам, Кавказу и странам Азии, продолжают оставаться активными, пытаются поддерживать связи между собой, а главное – с друзьями и родными, остающимися в России. Они вовлечены во множество низовых антивоенных

инициатив, проектов помощи Украине и беженцам из нее, сетей взаимопомощи, инициатив солидарности с политзаключенными и остающимися в России активистами. Отметим, что делают все это они по собственной инициативе, находя ресурсы и время в условиях крайне тяжелых материальных и бытовых условий, в которых многие из них оказались. Многие из них все еще имеют возможность бывать в России, и это важнейший способ получения информации о ситуации в стране из первых рук.

Отмахнуться от всех этих людей, обесценить их усилия – значит помочь путинскому режиму изолировать общество в России от каналов альтернативной информации, помочь ему оборвать миллионы связующих нитей между людьми России и остальным миром. Мы считаем, что эти люди – важная часть кадрового ресурса России будущего. Безусловно, речь не идет о том, что эмигранты могут или тем более должны стать большинством в новой элите страны. Но не хотелось бы повторения ситуации конца СССР, когда новую Россию своими силами строили бывшие советские бюрократы, не имевшие ни представлений о реальной жизни на Западе, ни опыта свободных дискуссий, ни внутреннего желания окончательно порвать с дорогим и понятным им советским прошлым.

Легко заметить, что те страны Центральной и Восточной Европы, которые приняли в свою политическую элиту недавних эмигрантов и ярых критиков советских режимов, достигли на пути демократизации гораздо больших успехов, чем страны, в которых эмиграции или не было как значимого фактора, или ее просто никто не захотел пригласить к участию в реальной политике.

Каждый год войны и эмиграции, безусловно, увеличивает процент тех, кто уже никогда не вернется в Россию. Настороженное и даже негативное отношение к гражданам России, транслируемое некоторыми спикерами, многократно усиливается российской пропагандой и способствует росту апатии, отчаяния и маргинализации в среде российской эмиграции. В этих процессах нет ничего полезного ни для Запада, ни для тех, кто продолжает бороться за демократическое, европейское будущее России, ни для России.

Российская эмиграция – это не единая структура, а полифоничное сообщество очень разных людей. И это нормально с учетом масштабов России. Но в этой полифоничности – огромные возможности для работы с людьми в России сейчас и в будущем.

Нам представляется важным отметить, что никакого смысла тратить усилия на объединение российской политической эмиграции нет. По практическим вопросам различные группы эмигрантов прекрасно контактируют между собой и с окружающим миром, а делать вид, что у людей с разными программами и взглядами на прошлое, настоящее и будущее России может быть единая структура – это самообман. Более того, мы считаем правильным поощрять обсуждение различных политических программ и даже создание протопартий или хотя бы идеологическую подготовку к их появлению в будущем. Демократия предполагает множество подходов, а не единство вокруг одного лидера и игнорирование существующих противоречий ради сомнительного удовольствия посидеть за одним столом на очередной конференции. России будущего нужны будут разные партии, лидеры и программы – левые, правые, центристские, консервативные, прогрессивные, либеральные и социалистические. Сейчас самое время

заняться этим, чтоб вернуться в Россию не с пустыми руками. В каком-то смысле и эта наша работа – один из вариантов программы нормализации России, написанная с умеренных либерально-центристских позиций.

Рано или поздно путинский режим рухнет – в этом не сомневается никто, в том числе и внутри России. Элиты Запада должны спросить себя: есть ли у них другие ключи к будущему России, кроме работы с теми россиянами, кто находится в эмиграции или остается аудиторией эмигрировавших политиков и журналистов в России, и насколько эффективны эти альтернативные варианты? Об этом же должны помнить и мы сами: за нас никто ничего не сделает, и если мы не придумаем, какой будет новая Россия, это сделают путинские чиновники, и потом не стоит удивляться, что их «новая Россия» окажется очень похожей на старую, путинскую.

Самое страшное, что может произойти, – если к моменту крушения путинского режима элиты Запада повторят свою ошибку 1990-х и безоговорочно признают «реформаторами» каких-нибудь срочно перекрасившихся путинских бюрократов, отказавшись от шанса поддержать возвращение в Россию подготовленной идейно, кадрово и ресурсно элиты, состоящей из реальной политической оппозиции путинизму в эмиграции и сетей их поддержки внутри страны. К сожалению, это вполне вероятный сценарий, и поэтому основная работа лежит на нас самих.

Наименование и символика новой свободной России

Переучреждение Российского государства ставит ряд вопросов о символике, которые только кажутся второстепенными и неважными.

Первый вопрос – о наименовании страны. Очевидно, что оставлять название «Российская Федерация» нельзя: оно скомпрометировано путинским режимом и, несмотря на свою политическую нейтральность, теперь будет ассоциироваться только с ним.

Схожие проблемы пришлось решать основателям Западной Германии: с 1871 года Германия официально называлась Deutsches Reich (Немецкое государство), но после Второй мировой войны и преступлений гитлеризма само это название оказалось скомпрометировано, как и вполне нейтральное до того слово Reich, которое входило в название ряда должностей и организаций (Reichspräsident – глава государства, Reichskanzler – глава правительства, Reichstag – парламент, Reichswehr – вооруженные силы и т.д.). Ситуацию не спасло даже то, что в 1943 году нацистские власти переименовали страну в Великогерманское государство (Grossdeutsches Reich). На фоне явного коллапса нацистского государства в 1943-1945 годах это переименование осталось незамеченным, сейчас о нем помнят только специалисты. Для всего мира Deutsches Reich ассоциировалось не с созданным Бисмарком государством и не с Веймарской республикой, а исключительно с Гитлером и его режимом. В нашем случае

ситуация гораздо хуже: Российской Федерацией Россия официально стала называться только в 1993 году, то есть 30 лет назад, причем 24 года из 30 у власти находится Путин – в том или ином виде.

В Германии вопрос был решен через введение в официальное название страны слова Deutschland (Германия), которое никогда ранее не употреблялось как официальное название какого-либо государства, и использование по швейцарскому образцу производных от слова Bund (союз) для обозначения федеративного устройства страны и нового характера всех ее должностей и органов. Итак, страна стала называться Bundesrepublik Deutschland (что-то вроде Союзная Республика Германия), а все должности и ведомства получили новые названия, лишённые ненужных коннотаций: Bundespräsident, Bundeskanzler, Bundestag, Bundeswehr и так далее.

К сожалению, запасного названия для России у нас нет. Поэтому надо идти путем замены слова «Федерация» в названии страны на что-либо другое и вокруг него создавать всю айдентику новой власти и нового режима.

Первый вариант – вернуться в 1917 год и назвать страну «Российская Республика», зафиксировав в Конституции ее парламентский и федеративный характер, чтоб не удлинять официальное название до громоздкого «Российская Федеративная Демократическая Республика». Тогда название всех органов власти и должностей должны формироваться с упором на слово «Республика» и производные от него: Правительство Российской Республики, Парламент Российской Республики, Банк Российской Республики. Другой путь – Российское Республиканское Правительство, Российская Республиканская Прокуратура.

Проблема в том, что в состав России входят субъекты, в названии которых уже есть слово «республика», что может создать путаницу.

Второй вариант – заменить слово «Федерация» схожим по значению словом «Союз» (государство в таком случае будет называться Российский Союз), что значительно упрощает создание обновленной терминологии. Здесь проблема в том, что и слово «Союз», и прилагательное «союзный» были дискредитированы еще советской властью.

Третий вариант – сделать официальным названием страны «Российское Государство» и сделать базовым для всех должностей и органов прилагательное «Государственный»: Государственный Совет, Государственное Правительство, Государственный Банк и т.д.

Трудный вопрос – о флаге: исторических флагов, кроме триколора, у нас нет, а придумывать флаг с нуля на срочно объявленном конкурсе – идея плохая. Возможно, компромиссным вариантом стала бы замена оттенков цветов на флаге и возвращение к более мягким цветам времен Ельцина. По поводу герба и гимна вообще нет смысла переживать заранее, со временем можно провести большой открытый конкурс. Опыт той же Германии показывает, что даже традиционный орел может выглядеть не угрожающе, а вполне спокойно и быть просто эмблемой государственных органов и картинкой на обложке паспорте.

Не менее важным является и вопрос о столице. Идея распределения столичных функций давно обсуждается, и очевидно, что переучреждение государства – лучший момент для реализации этой идеи. Москва безусловно останется экономической столицей России, но стоит ли оставлять ее политической столицей – большой вопрос. Возможно, она должна остаться резиденцией главы государства в новом понимании этого термина, а все органы оперативного управления страной должны быть распределены по другим городам. Какие органы власти в каких городах должны располагаться – вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Надо учитывать, что размещение любого федерального центра власти (парламентской, исполнительной, судебной) в любом городе существенно изменит его статус и даст новый стимул для его развития.

Отдельная проблема – как сделать пост главы нового государства, федеративной парламентской республики, полезным для функционирования системы, но в то же время избежать не только возможности узурпации власти этим лицом, но даже и любых напоминаний о прошлом статусе главы государства, президента РФ. По своим функциям и задачам глава государства в парламентской республике аналогичен монарху в современных европейских монархиях – то есть он царствует, но не правит. Само слово «президент» в случае России уже таит в себе зловещие коннотации. Поэтому как максимум использования этого слова надо избежать, используя совершенно другое название – Глава Государства (Республики, Союза). Как минимум, это слово надо обезвредить поясняющими словами – Конституционный президент, Союзный президент. Или же сделать единственной приемлемой формулировкой «Президент Республики», полностью отказавшись от употребления словосочетания «Президент России». Логика в этом вполне очевидная: речь идет именно о конституционном главе государства, формальном лидере политических структур нации, а не о лидере России как гораздо более широкого понятия.

Для создания совершенно иного нейминга всех органов государственной власти необходимо привлекать филологов, а может быть, и маркетологов. Уродливых названий вроде «Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» или «Муниципальное образование город Екатеринбург» быть не должно: регионы, населенные пункты, учебные заведения и органы власти должны иметь простые и понятные названия, а их юридически корректные наименования – использоваться только в специальной переписке и никогда в качестве официального названия: город Челябинск, деревня Павловка, аул Джерокай, школа №1 и т.д. Громоздкие названия из нагромождения канцелярских терминов типа «департамент образования муниципального образования» и прочие МОУ и МБОУ должны исчезнуть навсегда. Необходимо создать комиссию, которая бы с использованием всего опыта нейминга исторических государств России и современного мира целенаправленно боролась с наследием советского и путинского канцелярита и тем самым создавала совершенно новый нарратив, в котором новая власть являлась бы гражданам.

Заключение

Все перечисленное выше – не какие-то абстрактные мечты. Это вполне конкретный набор мер, абсолютно реализуемых при наличии должной политической воли и подробно и не раз обсужденный с многочисленными экспертами и профессионалами в области госуправления. Это та работа, которую мы должны были доделать в 1990-е годы – но отвлеклись на собственные печали, мечты о величии, коррупцию, иллюзии «сильного государства».

Россияне должны вспомнить, что они – европейская нация. У которой было европейское будущее, которая боролась за него все последние 200 лет и которое у нее последовательно отнимали – сначала мракобесы, насаждавшие «самодержавие и народность», потом коммунисты. Как пелось в известной песне, «пора вернуть эту землю себе».

Нет никаких причин считать, что нечто фатальное не позволяет россиянам жить на том же уровне, что Канада или страны Скандинавии. Мы все сможем. Важно лишь преодолеть наследие имперского мышления и зацикленность на «сильном государстве» и раболепии перед «начальством». В новой России «начальства» не будет, это понятие будет искоренено. Власть – по Конституции и через конкретные механизмы разделения и делегирования полномочий – поменяет свою функцию, станет инструментом выполнения надежд россиян на лучшую жизнь, а не механизмом «правления». Править россиянами больше не будет необходимости, они справятся сами.

Еще раз напомним, что когда власть начинала спрашивать мнение россиян – от выборов в Учредительное собрание до хрущевской оттепели и горбачевской перестройки, – то граждане нашей страны всегда выбирали смягчение режима, расширение гражданских и политических прав и свобод, социально ориентированную политику, примирение с другими народами. Реставрация диктатуры и агрессии стали следствием противозаконного захвата власти и промывания мозгов пропагандой, а не сознательного выбора российского народа.

Возможность для такого выбора появится снова. Процесс преобразования нашей страны не будет простым, он будет очень трудным. Груз наследия прошлого велик, опыта демократического управления по-прежнему нет, сознание многих россиян по-прежнему забито штампами о «сильной руке» и «мировом величии».

Однако, как показал опыт 1980-х и 1990-х, россияне умеют слушать, воспринимать информацию и обладают базовым стремлением к свободе, прогрессу, нормальности. Если бы мы не допустили ошибок в недавнем прошлом, наше развитие не пошло бы по неверному пути. Теперь мы знаем, как это бывает, и имеем все возможности не допустить ошибок снова.

Мы начали наш доклад с цитаты Джона Кеннеди о том, что для построения успешного свободного общества надо уметь мечтать. Мечты о светлом демократическом будущем – это не оторванные от жизни розовые фантазии. Многие успешные развитые страны стали такими благодаря наличию передового класса своих граждан, которые умели мечтать и имели упорство и грамотность для того, чтобы реализовать свои мечты. Все эти страны когда-то были

диктатурами, бедными, отсталыми. Чтобы добиться процветания и прогресса, нужны усилия и четкое видение образа будущего. Мы абсолютно уверены, что у россиян получится построить нормальную, свободную, мирную страну – но для этого надо будет четко видеть цель, упорно работать, уважать права и интересы окружающих и уметь делать выводы из собственных ошибок.

Россия непременно будет свободной и процветающей!

Авторы

Федор Крашенинников – политический аналитик, комментатор и публицист, советник президента фонда «Свободная Россия». Автор книг, статей, аналитических записок, постоянный комментатор в русскоязычных медиа. Специализируется на российской федеральной и региональной политике, анализе развития современных медиа и их использования в российской пропаганде. Был вынужден покинуть Россию в 2020 году; в 2022 году Минюст РФ признал Крашенинникова «иностранным агентом». В настоящее время живет в Брюсселе (Бельгия). Ведет собственные каналы на Youtube (<https://www.youtube.com/FedorKrasheninnikov>) и Telegram (<https://t.me/fyodork>).

Владимир Милов – оппозиционный политик, экономист, публицист, вице-президент фонда «Свободная Россия». В 1997-2002 годах работал в федеральном правительстве, в том числе заместителем министра энергетики России. Автор концепций реформ в стратегических секторах экономики, в том числе проекта реформы и разделения «Газпрома» и создания конкурентного рынка природного газа (2000 и 2002), заблокированного Владимиром Путиным.

Один из наиболее острых и последовательных критиков политики Владимира Путина с начала 2000-х годов. Соавтор серии экспертных докладов («Путин.Итоги» и др.) совместно с Борисом Немцовым. С 2017 года участвовал в президентской кампании Алексея Навального. Ведущий регулярных авторских программ на YouTube-канале «Навальный Live», автор собственного YouTube-канала (https://www.youtube.com/@Vladimir_Milov).